Битвы по средам

Автор:
Гэри Шмидт

Битвы по средам

Гэри Шмидт

Битвы по средам #1

«Битвы по средам» – это захватывающая и остроумная повесть о жизни подростка в течение одного учебного года. Сколько открытий, оказывается, может уместиться в десять месяцев: сбежавшие крысы – это не страшно, Шекспир – это не скучно, старшая сестра – это очень важно. А еще приезд любимого бейсболиста, роль в спектакле и первая любовь. И все это на фоне войны во Вьетнаме, ведь на дворе 1967 год. За эту книгу Гэри Шмидт был удостоен премии «Ньюбери».

Гэри Д. Шмидт

Битвы по средам

Посвящается Салли Бултуис, Камил Де Бэр и всем добрым душам из книжного магазина “Уголок Винни-Пуха”, которые – с мудростью и любовью – помогают детям и книгам найти друг друга

Gary D. Schmidt

The Wednesday Wars

Copyright © 2011 by Gary D. Schmidt.

Published by special arrangement with Clarion Books, an imprint of Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company.

© О. Варшавер, перевод, 2012

© Д. Богданова-Чанчикова, 2012

© ООО «Издательство «Розовый жираф», издание на русском языке, 2019

Сентябрь

Миссис Бейкер ненавидит лютой ненавистью одного-единственного семиклассника.

Меня.

И – зуб даю – без всяких причин! Окажись предметом её ненависти Дуг Свитек, было бы понятно.

Наш Дуг Свитек однажды составил список разных способов, которыми можно довести учителя до белого каления. Списочек из четырёхсот десяти пунктов. Начинается он безобидно: «Впрыснуть дезодорант в ящик учительского стола», но дальше идут пункты похлеще. Сильно похлеще. К сто шестьдесят седьмому номеру список хулиганских выходок уже попахивает уголовщиной. О том, что кроется за номером четыреста и тем более четыреста десять, лучше вообще умолчим. Если коротко: за такие шалости детей отправляют в колонию. Насовсем.

В прошлом году Дуг Свитек опробовал шестой способ из своего списка на миссис Сидман. Место действия: питьевой фонтанчик перед учительской. Подсобные средства: жвачка, чтобы заткнуть фонтанчик, и полинезийская фруктовая краска для волос, с которой в ту пору экспериментировала миссис Сидман. План Дуга сработал. Под брызнувшей из фонтанчика струёй краска тут же потекла, и на лице учительницы появились разводы цвета манго. Они расцвечивали её лицо не день, не два, а довольно долго – покуда кожа, попорченная въедливой краской, полностью не отшелушилась.

Дуга Свитека тогда исключили из школы. Временно, конечно. На две недели. Собирая вещички, он объявил нам, что на будущий год испробует номер сто шестьдесят шесть: надо, мол, проверить, какой срок ему за это влепят.

Накануне возвращения Дуга Свитека директор нашей Камильской средней школы объявил на утренней линейке, что миссис Сидман «по собственному желанию переведена на работу в школьную администрацию». Он предложил нам поздравить её с новым назначением. Только как поздравишь, если она и носа из своего кабинета не высовывает и – даже когда дежурит на перемене – к нашему классу и близко не подходит? А случись кому из нас к ней приблизиться, она тут же достаёт шапочку от дождевика – знаете, такую жёлтую, клеёнчатую, в них все школьники осенью ходят – и напяливает на голову. Боится, что опять краска потечёт.

Так что, сами понимаете, миссис Сидман не позавидуешь. И Дуга Свитека она возненавидела не просто так, а вполне за дело.

Но я-то ничего подобного не совершал! Никогда. Я вообще стараюсь держаться подальше от Дуга Свитека, чтобы меня, не дай Бог, не уличили в сообщничестве, если он вдруг затеет пункт сто шестьдесят шесть.

Но это не помогает. Миссис Бейкер меня всё равно ненавидит. Причём намного сильнее, чем миссис Сидман – Дуга Свитека.

Я понял это сразу, в понедельник, в первый учебный день в седьмом классе, когда миссис Бейкер устроила перекличку. Кстати, по нашим фамилиям можно понять не только кто есть кто, но и кто где живёт. Так уж заселялся наш городок на острове Лонг-Айленд. У кого фамилии кончаются на -берг, -цог или -штейн, живут в северной части города. А у кого на -елли, -ини или просто на -о – те на юге. Границей между еврейской и итальянской частями города служит Ли-авеню. Если выйти из школы и идти по Ли-авеню долго-долго – пересечь главную улицу и пойти дальше, мимо аптеки МакКлина, булочной Гольдмана и магазинчика, где торгуют всякой всячиной по пять или десять центов, а потом миновать один жилой квартал, Публичную библиотеку и ещё один квартал, – упрёшься прямо в наш дом. Отец всегда говорит, что наш дом стоит точнёхонько в центре города. Не на северной стороне и не на южной. Посерединке. «Идеальный дом», – с гордостью говорит отец.

Может, и идеальный, но на самом деле так жить трудно. Посерединке – всё равно что нигде. Утром по субботам все, кто живут на севере, отправляются в синагогу – в храм Бет-Эль. А в середине субботнего дня все, кто живут на юге, отправляются на мессу в собор Святого Адальберта. Месса начинается так поздно, потому что католические священники, идя в ногу со временем, постановили, что их прихожанам надо хорошенько выспаться в выходной. Зато наша семья в воскресенье, причём спозаранку, в полном составе отправляется в пресвитерианскую церковь Святого Эндрю – слушать пастора МакКлелана, древнего старичка, который, судя по возрасту, мог своими ушами внимать проповедям ветхозаветного Моисея.

Ну что, сопоставили расписание? Так вот и получается, что собрать нормальную команду для бейсбола можно только в воскресенье после обеда.

До прошлого лета, пока среди моих одноклассников ещё были прихожане церкви Святого Эндрю, я кое-как справлялся. Но потом начались совсем тяжёлые времена, потому что отца Бена Камминса взяли на работу в Гротон, и они всей семьёй перебрались в Коннектикут, а Ян МакАлистер переехал в Билокси,

потому что его отца, нашего прежнего пастора, перевели работать капелланом на военную базу, а на его место в церковь Святого Эндрю назначили пастора МакКлелана, личного друга ветхозаветных пророков.

Быть единственным пресвитерианцем в классе очень тоскливо. Особенно по средам, когда ровно без четверти два половина класса отправляется в еврейскую школу при синагоге Бет-Эль, а без пяти два другая половина класса отбывает в собор Святого Адальберта – постигать католический катехизис. Раньше в классе оставались три ученика-пресвитерианца. А теперь – один.

Я.

Думаю, именно эту подставу миссис Бейкер и заподозрила, когда наткнулась на мою фамилию, устроив перекличку в первый день сентября. Её голос как-то сразу изменился, задребезжал, точно от моей фамилии внутри у неё сработала секретная кнопка.

– Холлинг Вудвуд, – произнесла она.

Я поднял руку.

– Здесь.

– Вудвуд, – повторила она.

– Да.

Миссис Бейкер проводила перекличку стоя, с журналом в руках, но сейчас присела – не на стул, а на край стола. Тут бы мне и смекнуть, что дело неладно. Ведь учителя обычно не садятся на стол в первый день занятий. Не принято.

– Вудвуд, – повторила она упавшим голосом. И задумалась. А потом спросила: – Ваша семья посещает храм Бет-Эль?

Я покачал головой.

– Значит, собор Святого Адальберта? – с надеждой спросила она.

Я снова покачал головой.

– Выходит, по средам вы не получаете религиозного образования?

Я кивнул.

– То есть вы остаётесь здесь, со мной?

– Навроде того.

Она смерила меня тяжёлым взглядом. И, по-моему, глаза у неё стали почти квадратными.

– Вы только что совершили преступление против родного языка! Наречия, которое вы употребили, не существует! Что ж, раз по средам вы остаётесь со мной, предлагаю ответить так: «Я думаю, в среду днём всё-таки придётся поработать».

Тут-то я и понял, что она ненавидит меня лютой ненавистью. Потому что у неё стало такое мрачное лицо, словно солнце закатилось и не появится на горизонте до июня.

Возможно, моё лицо тоже изрядно помрачнело. Во всяком случае, чувствовал я себя прескверно – точно меня вот-вот вырвет. Ну, знаете, когда разом и озноб бьёт, и пот прошибает, а в животе революция. Помню, я тогда подумал, что зря всё-таки мама дала мне на завтрак омлет с ветчиной, сыром и брокколи. Тоже мне праздник! Начало учебного года. Лучше бы я съел хлопья. С ними если уж вырвет, то полегче, не такой зелёно-жёлтой гадостью.

Что чувствовала миссис Бейкер, я не знаю. Может, её тоже затошнило, но она этого не показывала. Она снова заглянула в список.

– Даниел Запфер, – произнесла она и, увидев поднятую руку Данни, одобрительно кивнула.

Но потом, прежде чем назвать следующую фамилию, она снова посмотрела на меня. И, клянусь, глаза у неё были квадратные.

– Мей-Тай Йонг.

Отыскав в классе руку Мей-Тай, она кивнула. И опять посмотрела на меня.

– Мирил-Ли Ковальски.

И снова, едва взглянув на руку Мирил, учительница посмотрела на меня.

И так – каждый раз, после каждой фамилии. Прямо испепеляла меня взглядом. Ух, как она меня ненавидит!

* * *

В тот день я брёл из школы очень медленно. Дорогу до Идеального дома я знаю наизусть и всегда могу не глядя сказать, что уже дошёл, потому что тротуар под ногами становится совсем другим. Бетонные плитки вычищенные, без единого пятнышка, без единой трещинки. И точно такими же чистейшими плитками выложена дорожка, которая ведёт от улицы к нашему крыльцу. А вдоль дорожки высажены кусты азалии, все одной высоты и по цвету подобраны: розовые чередуются с белыми. Дорожка и азалии приводят к идеальному крыльцу – с тремя ступеньками, как у всех домов в округе. Поднимаешься и попадаешь в идеальный двухэтажный дом, выстроенный в так называемом колониальном стиле: на первом этаже с каждой стороны по два больших окна, а на втором – мансардные окна на скошенной крыше. У нас в квартале все дома такие, но наш выглядит опрятнее, потому что отец раз в два года вызывает маляров. Они возвращают дому первозданную белизну и заново красят чёрной краской металлические ставни, приделанные для красоты. Внешняя сетчатая дверь, которая не пускает в дом мошкару, тоже металлическая, но некрашеная, серовато-алюминиевая. Естественно, она никогда-никогда не скрипит.

Войдя в дом, я бросил сумку с учебниками на нижнюю ступеньку лестницы и крикнул:

– Мам? Ты тут?

Пора бы перекусить. Например, съесть кексик «твинки» с ванильной начинкой и запить шоколадным молоком, в котором шоколада больше, чем молока. Но одним «твинки» не наешься, надо парочку. От сладкого мозги лучше работают. Вот наемся и подумаю, как прожить с этой миссис Бейкер и её ненавистью до конца учебного года, целых девять месяцев. А ничего не придумаю – значит, ничего не поделаешь, такая судьба.

– Мам? – снова позвал я.

Мимо гостиной я прошёл, даже не заглядывая, поскольку на диванах и креслах, обтянутых плотным тугим полиэтиленом, никто никогда не сидит. Тут всё точно в магазине. На продажу. Ковёр буквально стерильный, словно на него не ступала нога человека. Впрочем, так оно и есть. И на новёхоньком рояле, что стоит у окна, никто никогда не играл. У нас в доме никто не умеет. Но случись кому сюда зайти, потыкать пальцем в клавиши, понюхать искусственные тропические цветы, поправить галстук перед сверкающим зеркалом, он был бы потрясён. Непременно. Ведь жизнь архитектора Вудвуда из компании «Вудвуд и партнёры» – само совершенство.

Мама оказалась на кухне. Она там поспешно выгоняла в распахнутое окно остатки дыма и прятала только что потушенную сигарету: подразумевалось, будто я и знать не знаю, что она курит. А если знаю, то делаю вид, что не знаю. И уж, конечно, никогда, ни при каких обстоятельствах я не должен упоминать об этом при отце.

И тут меня осенило. Ещё прежде, чем я съел «твинки».

Мне нужны союзники! Иначе война с миссис Бейкер проиграна. Без вариантов.

– Как первый день прошёл? – спросила мама.

– Мам, – доверительно сказал я, – миссис Бейкер меня ненавидит.

– Не за что миссис Бейкер тебя ненавидеть. – Мама закрыла окно.

– Ненавидит, и всё тут.

– Она же тебя совсем не знает.

– Ну, бывает ведь любовь с первого взгляда. Значит, и ненависть тоже. Тут долгие разговоры и рассуждения не нужны. Посмотрел один раз – и всё. Кранты. С миссис Бейкер именно такой случай.

– Я уверена, что миссис Бейкер – замечательный человек. И ненавидеть тебя у неё нет никаких причин.

Ну откуда, откуда у всех родителей такие представления о жизни? Словно с рождением первого ребёнка у них в организме просыпается какой-то ген и они начинают изрекать одни прописные истины. А тебя даже не слушают, вроде как ты на иностранном языке говоришь. Твои слова срабатывают только как спусковой механизм: раз – и заезженная пластинка закрутилась опять.

Что ж, наверно, на то они и родители.

* * *

Но союзник-то мне нужен! Поэтому сразу после ужина я отправился вниз, в подвал. Там у нас стоит телевизор, и отец проводит все вечера перед экраном.

– Пап, миссис Бейкер меня ненавидит.

– Ты что, подождать не можешь? Я смотрю Уолтера Кронкайта!

Мы вместе досмотрели репортаж Кронкайта о новых жертвах во Вьетнаме, о расширении воздушных операций и о том, что туда послали ещё две бригады сто первой воздушно-десантной дивизии.

Наконец началась реклама.

– Пап, миссис Бейкер меня ненавидит.

– Что натворил?

– Ничего. Она меня просто так ненавидит.

– Один человек может ненавидеть другого, но за дело. Поэтому возвращаюсь к первому вопросу. Что ты натворил?

– Ничего.

– Речь ведь о Бетти Бейкер, да? Она тебя учит?

– Наверно. Миссис Бейкер.

– Так-так. Бетти Бейкер из семьи Бейкеров.

Ну вот, отец тоже включил пластинку. У каждого родителя она своя, но ребёнка они не слышат. Хоть ты тресни.

– Наверняка, – подтвердил я. – Из семьи Бейкеров.

– Эта семья – владельцы магазина «Бейкеровская Империя спорта». Они как раз собрались расширяться, будут строить новое здание и рассматривают компанию «Вудвуд и партнёры» в тройке основных претендентов на контракт.

– Папа!

– Отвечай, Холлинг! Что ты натворил? Из-за чего миссис Бейкер тебя возненавидела? И из-за чего остальные Бейкеры могут возненавидеть всех Вудвудов? Ты сознаёшь, что из-за тебя «Империя спорта» выберет другого архитектора, а компания «Вудвуд и партнёры» лишится выгодного контракта и

потеряет репутацию, и мы в конце концов обанкротимся, и к нашему крыльцу сбегутся кредиторы с кипами официальных бумаг, и в каждом документе будет куча неприятных юридических закорючек, и окажется, что компании «Вудвуд и партнёры», которую ты должен унаследовать, больше нет в природе? Так что плакало твоё наследство.

К этому времени в животе у меня оставалось не очень-то много от завтрака, но именно остатки утреннего омлета с ветчиной, сыром и брокколи снова поднялись вверх и настойчиво попросились наружу.

– Думаю, всё не так плохо, – промямлил я.

– Пусть так будет и впредь! – велел отец.

Да, в союзники брать некого.

* * *

Оставалась только сестра. Но просить старшую сестру стать твоим союзником – это… всё равно что искать союзников на необитаемом острове.

Я всё-таки подошёл к её двери. И постучал. Громко постучал, ведь у неё там вовсю орала группа «Манкиз».

Сестра открыла дверь и встала на пороге – руки в боки. Её новая помада пламенела на губах, как новая пожарная машина.

– Миссис Бейкер меня ненавидит, – выпалил я.

– Какое совпадение! Я тоже.

– А помочь можешь?

– За помощью – к маме.

– Мама говорит, что миссис Бейкер не за что меня ненавидеть.

– Тогда – к отцу.

Я промолчал. Как говорится, воцарилась тишина. Если, конечно, забыть про вой «Манкиз».

– А, ну да! Это может повредить бизнесу, – сообразила сестра. – Он не станет рисковать репутацией. Так, наследничек?

– Что делать-то?

– Я бы на твоём месте сбежала в Калифорнию.

– Есть другие идеи?

– Говоришь, миссис Бейкер тебя ненавидит?

Я кивнул. Прислонившись к дверному косяку, она смерила меня оценивающим взглядом, с головы до ног.

– Холлинг, это вряд ли. Ты ещё хлюпик. Ненависть – слишком сильное чувство.

И она захлопнула дверь у меня перед носом.

* * *

В тот вечер я снова взялся перечитывать «Остров сокровищ» Стивенсона. Не хочу особенно хвастаться, но «Остров сокровищ» я читал уже четыре раза, «Похищенного» дважды и «Чёрную стрелу» тоже дважды. Я даже «Айвенго» до половины дочитал. Потом, правда, сдох. Занудный этот Вальтер Скотт. Я тогда переключился на «Зов предков» Джека Лондона – эта книжка как-то веселее пошла.

В «Острове сокровищ» я сразу открыл место, где Джим Хокинс уводит у пиратов «Испаньолу». Вот он сидит на верхней перекладине мачты, а Израэль Хендс лезет к нему с кинжалом в зубах. У Джима, конечно, преимущество: два пистолета против одного кинжала. Так что боцману с ним вроде как не совладать. Но боцман всё равно хочет прикончить Джима! Ненавидит он этого парня, ничего уж тут не поделаешь. А Джим посмеивается. Потому что он не хлюпик, он крутой, и его есть за что ненавидеть.

А потом Израэль Хендс бросает нож, и Джима спасает только везение. Мог бы погибнуть, запросто.

Ну а мне-то что делать? Тоже прикажете на везение надеяться?

Во вторник миссис Бейкер весь день не сводила с меня глаз. Словно призывала на мою голову Божью кару. Как Израэль Хендс на голову Джима Хокинса.

Первый раз я поймал на себе её взгляд рано утром, когда вышел из-за перегородки, где находится раздевалка, и направился к своей парте.

Вы спросите, почему у нас, семиклассников, как у малышей, раздевалка в классе, а не шкафчики на первом этаже, как во всех нормальных средних школах? Как раз потому, что наше здание раньше было началкой. Потом, в какой-то момент, городские власти постановили возвести для начальной школы новое здание, и его построили рядом со старым, соединив их стеклянным переходом. Туда ещё кухню приделали. А потом старое здание подремонтировали и отдали Камильской средней. Так и вышло, что на третьем этаже, где учится наш седьмой класс, во всех кабинетах – раздевалки. Как у первоклашек. И нам приходится вешать там одежду и оставлять свои вещи, хотя на дворе тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год и во всём цивилизованном мире семиклассники держат свою личную собственность в шкафчиках, под замком.

Короче, выхожу я из раздевалки и ловлю на себе взгляд миссис Бейкер. Подалась вся вперёд, нависла над столом – у меня аж мурашки по спине

побежали.

Я хотел сесть за парту, но внезапно понял: это ловушка. Она заминировала мою парту или капкан тут поставила – как капитан Флинт. Раньше я о таком и думать не думал. Но теперь прямо почувствовал. Кожей, печёнками – не знаю. Мне было откровение или наитие. Про наития и откровения иногда рассказывает пастор МакКлелан. Типа, если тебе грозит опасность, Бог предупреждает свыше. Прислушаешься – спасёшься. Не прислушаешься – пеняй на себя.

Я осмотрел свою парту. Ни проволоки, ни шнура от взрывателя не видно. Теперь проверим винты. Похоже, винты на месте и сиденье подо мной не развалится.

А вдруг что-то лежит внутри, в парте? Что-то ужасное, взаправду ужасное? Какая-нибудь дохлятина – остатки от прошлогодних уроков биологии, которые затащили в кабинет миссис Бейкер прошлогодние семиклашки, её бывший класс?

Я снова взглянул на миссис Бейкер. Она на меня уже не смотрела: отвела глаза, а на губах улыбочка такая, еле заметная. Выдала она себя этой улыбкой, ей-Богу, выдала. Засада точно есть.

Я побоялся заглядывать в парту и попросил это сделать Мирил-Ли Ковальски, которая влюбилась в меня ещё в третьем классе – это не я придумал, она сама так говорила.

– Это ещё зачем? Что в парте? – спросила она.

И это истинная любовь? Откуда столько подозрительности?

– Просто…

– Просто – это не ответ.

– Просто… вдруг там сюрприз?

– Для кого?

– Для тебя.

– Для меня?

– Ага.

Она приподняла крышку парты. Заглянула. Поискала-пошарила под всеми учебниками – под «Родным языком для нас с тобой», «Математикой для нас с тобой» и «Географией для нас с тобой».

– Тут ничего нету!

Я тоже рискнул заглянуть внутрь.

– Значит, я ошибся.

– Нет, это я ошиблась. – Она с досадой отпустила крышку. Крышка громко хлопнула. – Ой, прости, – сказала Мирил. – Не дождалась, чтоб ты туда пальцы сунул. А жаль.

Сами понимаете, в седьмом классе от любви до ненависти один шаг.

* * *

На большой перемене я опасался выходить. Вдруг миссис Бейкер подговорила кого-нибудь из своего бывшего класса – нынешних восьмиклассников – и они учинят надо мной ужасную расправу? Там, например, учится старший брат Дуга Свитека. Он уже бреется! А ещё его трижды забирали в полицейский участок – и у нас, и в соседнем штате, – и он даже провёл одну ночь в настоящей тюрьме. За что – никто не знает. Но, думаю, за озорство в районе трёхсот девяностых номеров. Или даже в конце списка. Под номером четыреста десять. Дуг говорил, что их отец подкупил судью, иначе брату грозила бы смертная казнь.

Мы верили.

– Почему вы не идёте на перемену, мистер Вудвуд? – спросила миссис Бейкер. – Все уже на улице.

Я решительно взял в руки «Родной язык для нас с тобой».

– Да я хотел тут, в классе, почитать.

– Идите отдыхать. – Глаза миссис Бейкер сверкнули, выдавая её недобрые намерения.

– Так я и тут отдыхаю.

– Мистер Вудвуд! – произнесла она угрожающе. А потом встала и скрестила руки на груди. И до меня дошло, что мы остались один на один, без свидетелей, да и мачты, на которой спасся Джим Хокинс, тут нет.

Я вышел из класса.

На улице я топтался на одном пятачке, сторонясь всех и каждого и держась в поле зрения миссис Сидман. Меня так и подмывало попросить у неё жёлтую клеёнчатую шапочку – пусть эта шапка спасёт меня от неведомой, но неотвратимой беды.

И тут, словно в Камильской средней наступил День страшной расплаты, ужаса и покаяния, я услышал:

– Эй, Вудвуд!

Брат Дуга Свитека. В опасной близости. В моём личном пространстве.

Я передвинулся поближе к миссис Сидман. Она вцепилась в свою шапочку обеими руками и отошла подальше.

– Вудвуд! В футбол играешь? У нас одного не хватает. – Брат Дуга Свитека надвигался неумолимо, всей своей волосатой грудью. Волоски курчавились даже под шеей, выше футболки.

– Иди поиграй, – сказала миссис Сидман. – Если не пойдёшь, из второй команды придётся кого-то исключить.

Если не пойду – проживу лишний день, подумал я.

– Ну чё, Вудвуд? – окликнул брат Дуга Свитека. – Идёшь?

И что мне оставалось делать? Я двинулся навстречу судьбе.

– Встанешь левым крайним, – велел он.

Это я и без него понял.

– В защите, – добавил он.

Это я тоже знал заранее. Уж такая мне выпала судьба.

– А я нападающий, – добавил он. – В другой команде.

Это я тоже понимал. Без него.

– Твоя задача – меня остановить, не дать прорваться к воротам.

Я кивнул.

– Не слабо??

Допустим. Допустим, что тебя можно остановить. Дай мне танк с крепкой бронёй, тремя пулемётами и гранатомётом – и я тебя остановлю.

– Попробую.

– Попробуй. – Брат Дуга Свитека засмеялся. Готов поклясться: обернись я в ту секунду, наверняка бы увидел миссис Бейкер у раскрытого окна на третьем этаже. Она там тоже смеялась.

Вообще у футбола есть свои преимущества. Бегай себе туда-сюда, даже не дотрагиваясь до мяча. А если всё-таки придётся дотронуться, его можно запулить куда подальше, чтобы никто не вздумал у тебя его отнимать. Такой тактики я и решил придерживаться, чтобы брат Дуга Свитека не мог ко мне подобраться и осуществить коварный план миссис Бейкер.

Но не тут-то было. Брат Дуга Свитека, по всей видимости, получил чёткие указания. Едва завладев мячом, он огляделся и устремился ко мне. Нет – на меня. Не как все нормальные нападающие, которые норовят обойти защитника, а прямиком на меня. Он рычал. Он ревел. Он выл. Он летел – как сгусток какой-то мезозойской праматерии, вырвавшейся из недр земли. И летел он на меня.

Я успел подумать, что миссис Бейкер смотрит из окна и радуется.

– Иди на него! – крикнул Данни Запфер. – Наперехват! – Голос у него дрожал. Наверно, Данни представил, как брат Дуга Свитека ударит сейчас ногой по мячу и мяч, просвистев, врежется ему, вратарю, в грудь. Точно торпеда.

Я не двинулся с места.

Данни снова завопил. Кажется, он снова кричал: «Наперехват!» Но я не уверен. Может, он как-то иначе кричал, не словами. Представляете переливы гласных звуков, подряд, всё выше и выше – до ультразвукового писка? Вот так он и верещал.

Но это, собственно, не важно. Никто и ничто не заставило бы меня в тот миг шагнуть навстречу брату Дуга Свитека. Забьёт так забьёт. В конце концов, это просто игра.

Я сделал шаг к боковой линии, подальше от ворот.

Брат Дуга Свитека тут же изменил траекторию. Он по-прежнему нёсся прямо на меня.

Я отбежал ещё дальше, почти на бровку.

Он летел на меня.

По-дельфиньи верещал Данни Запфер, по-мезозойски рычал брат Дуга Свитека, а я ощущал, что меня затягивает в водоворот и вся моя жизнь катится в тартарары – сейчас, в этот самый миг. Ещё мгновение – и конец.

И вот тогда я снова вспомнил Джима Хокинса, вспомнил, как он пробрался, вскарабкался через борт на «Испаньолу», как увёл её из-под носа у пиратов и сдёрнул с мачты «Весёлого Роджера» – знаменитый пиратский флаг, а потом сидел на перекладине мачты, а боцман лез на него с кинжалом в зубах.

Выходит, я правда хлюпик?

Метнув взгляд на окно, где только что стояла миссис Бейкер и где теперь её уже не было – наверно, побоялась, что обвинят в соучастии, – я рванул к воротам. И встал перед воротами. И ждал там брата Дуга Свитека.

Со стороны я, должно быть, круто смотрелся.

Стоял я, значит. Стоял и стоял, пока весь этот ор и рёв, а главное, жалость к самому себе не накрыли меня с головой.

Я зажмурился. Между прочим, никто не требует непременно смотреть судьбе в глаза. Итак, я зажмурился и чуть посторонился.

Не весь.

Я не успел переместить правую ногу.

И волосатый брат Дуга Свитека об неё споткнулся.

Всё тут же стало в сто раз громче и сильнее: и ор, и рёв, и вой, и свист, с которым тело брата Дуга Свитека летело к воротам, и вопли Данни Запфера, и мои собственные вопли, поскольку ногу обожгло дикой болью. А потом раздался такой глухой металлический хруст: штанга продавилась под головой брата Дуга Свитека.

И всё стихло.

Я открыл глаза.

Брат Дуга Свитека, покачиваясь, встал на ноги. К нам в полной панике бежала миссис Сидман. То есть она, скорее, ковыляла, но старалась изо всех сил. Наверно, ей уже мерещился газетный заголовок: «Недосмотр дежурного администратора». Добежав, она схватила брата Дуга Свитека за руку, а он всё пошатывался, и глаза его смотрели вроде как на неё, но в разные стороны.

– Ты в порядке? – спросила она.

Он кивнул, после чего его тут же вырвало. Прямо на неё.

Недавно съеденным бутербродом с ливерной колбасой и яйцом. Вам было бы приятно снова увидеть уже съеденный бутерброд с ливером? Вот именно.

И жёлтая клеёнчатая шапочка миссис Сидман не помогла.

На том футбол и кончился. Напоследок ко мне подбежал Данни Запфер, довольный и счастливый, и по-приятельски хлопнул по плечу.

– Ну, ты его вырубил! – сказал он.

– Но я не собирался его вырубать, – возразил я.

– Нет, ты видел, как он летел? Как ракета!

– Я не хотел! – завопил я.

– Я ещё ни разу не видал, чтоб чел так вырубался.

Тут подскочил Дуг Свитек.

– Ты вырубил моего брата?

– Да не хотел я его вырубать. Не хотел.

– А все говорят – вырубил! Я сам всю жизнь мечтал это сделать. С тех пор как родился.

– Он как ракета летел! – твердил Данни Запфер.

Я похромал обратно в школу, стараясь не глядеть на несчастную миссис Сидман, которая одной рукой поддерживала шатающегося брата Дуга Свитека, а другой – закрывала нос жёлтой шапочкой. Ливерная колбаса, она такая. Пахучая.

У дверей меня ждала Мирил.

– Ты правда вырубил брата Дуга Свитека?

– Да не хотел я…

– Тогда как вышло, что он влетел в штангу?

– Он споткнулся.

– Обо что?

– Об мою ногу.

– Ты нарочно?

– Вроде как…

– Но подножки против правил!

– Да он же втрое больше меня!

– И что из этого? Можно правила нарушать? Идиота из него делать?

– Не делал я из него идиота!

– Ага, и из меня тоже! Зачем заставил к тебе в парту лезть? Там сюрприз, там сюрприз! А сюрприза никакого и нет.

– При чём тут брат Дуга Свитека?

– При том! – бросила Мирил и ушла, гордо чеканя шаг.

Ну вот, опять. Хорошенькое объяснение! Когда она так говорит, я чувствую себя последним тупицей. При чём «при том»?

Когда мы вернулись в класс, лицо у миссис Бейкер было кислое. Ещё бы! Ведь покушение на меня не удалось. Её коварный замысел потерпел полный крах. Она ходила с этим кислым лицом до конца учебного дня и скривилась ещё больше, когда по школьному радио объявили, что брат Дуга Свитека отделался сравнительно легко, что врачи дней десять за ним понаблюдают, а потом он вернётся в школу. И ещё что до конца недели нужны дежурные на спортплощадку.

Миссис Бейкер посмотрела на меня.

Как же она меня ненавидит!

Остаток дня мы занимались по учебнику «Родной язык для нас с тобой» – рисовали схемы предложений. Как будто это кому-нибудь нужно. Разве что англичанам? Но здесь, в Америке, – никому.

Миссис Бейкер поочерёдно вызывала нас к доске: разбирать предложения и рисовать схемы. Мирил она дала такое предложение:

Ручей течёт с высокой горы.

А Данни Запферу – такое:

Он забил круглый мяч в ворота.

Мей-Тай досталось коротенькое:

Девочка шла домой.

Это и понятно. Ведь Мей-Тай совсем недавно, летом, переехала сюда из Вьетнама и пока знает мало слов. Штук десять, не больше.

А вот предложение Дуга Свитека:

Я прочитал книгу.

Тоже куцее предложение, хотя по другой причине: Дуг у нас книжек не читает, и, наверно, ему предлагалось над этим задуматься.

А вот предложение, которое досталось мне:

Мы не даём цены тому, что наше,

но стоит только потерять – и вдруг

откроем в нём прекрасного так много,

что нет утраченному и цены[1 - Здесь и далее – цитаты из разных пьес Уильяма Шекспира в переводах А. Кронберга, Т. Щепкиной-Куперник, О. Сороки, А. Григорьева, М. Столярова, П. Козлова, И. Мандельштама, М. Лозинского, О. Варшавер.].

И как, по-вашему, изобразить это в виде схемы? Тот, кто написал такую жуть, точно не разобрал бы её по составу. А уж для семиклассника – полная безнадёга. Я молча топтался у доски.

– Что же вы, мистер Вудвуд? – якобы ободряюще спросила миссис Бейкер.

Меня аж пот прошиб. Забацай Стивенсон такое предложение в «Острове сокровищ», его бы и читать никто не стал.

– Видимо, вы невнимательно слушали мои объяснения, иначе несомненно справились бы с заданием, – укоризненно сказала миссис Бейкер. Ага, сама объяснила, как нажимать кнопку и включать свет, а от меня ждёт, что я атомный реактор построю. – Начните с «мы не даём цены тому, что наше», – продолжила она и изобразила улыбку. Но лицо было по-прежнему кислое. А глаза мерцали в предвкушении победы. Так мерцали бы глаза Джона Сильвера, окажись он в двух шагах от сокровищ капитана Флинта.

Но праздновать ещё рано, миссис Бейкер! Игра не окончена!

Динамик на стене ожил, каркнул, кхекнул и…

…произнёс мою фамилию.

Меня вызывают к директору!

Спасён!

Я положил мелок и радостно повернулся к миссис Бейкер.

Но она тоже почему-то обрадовалась! Почему?

– Немедленно, – донёсся потрескивающий голос из динамика.

И внезапно я понял: там полиция. Миссис Бейкер на меня донесла. И за мной прислали полицейских. Меня посадят в тюрьму – за то, что я вырубил брата Дуга Свитека. Ведь мой отец никому никаких взяток давать не станет. Он просто посмотрит мне в глаза, скажет: «Что ты натворил?» – и преспокойно выслушает мой смертный приговор.

– Немедленно, – повторила миссис Бейкер.

Путь до кабинета директора некороткий. А в начале учебного года он кажется даже длиннее, потому что натёртый пол громко скрипит под подошвами

кроссовок, словно жалуется на мучения, которые ты причиняешь ему каждым шагом. А ещё на тебя со всех сторон пялится народ, и все знают, что ты идёшь к директору, мистеру Гвареччи. И все счастливы, что он вызвал тебя, а не их.

Да, он вызвал меня.

Когда я дошёл, мне велели подождать под дверью. Чтоб я хорошенько поволновался.

Наш мистер Гвареччи мечтает быть не директором, а диктатором. В какой-нибудь небольшой стране. Данни Запфер считает, что он просто дожидается, чтобы люди из ЦРУ устранили Фиделя Кастро и поставили его руководить Кубой, которую он тут же переименовал бы в Гвареччубу. А Мирил уверяет, что директор подыскивает себе местечко где-нибудь в Европе. Может, и так. Беда только в том, что в ожидании новой должности мистер Гвареччи по-прежнему директорствует в Камильской средней школе и оттачивает на нас свои замашки. Замашки диктатора небольшой страны.

Когда меня наконец запустили в кабинет, директор восседал за столом во внушительном кресле и сильно возвышался надо мной и над стульчиком, на который мне велели сесть.

– Холлинг Вуд, – произнёс директор сипловатым, сбивающимся на писк голосом. Словно он сорвал его, выступая с балкона перед дрожащими от страха народными массами.

– Вудвуд, – поправил я.

– В личном деле написано Холлинг Вуд.

– А у меня в свидетельстве о рождении написано Холлинг Вудвуд.

Мистер Гвареччи улыбнулся специальной директорской улыбкой.

– Не будем пререкаться, Холлинг Вуд. Это непродуктивно. Всё, что написано в личном деле, – правда. Иначе школа не могла бы функционировать.

Заметили приёмчик из диктаторского арсенала? Очень подходит для управления небольшой страной.

– Холлинг Вуд, – покорно повторил я.

– Вот и славно, – похвалил мистер Гвареччи и снова заглянул в личное дело. – У нас с тобой имеется проблема. Тут сказано, что математику за шестой класс ты сдал на крайне низкий балл.

– Сдал, – подтвердил я.

Ещё бы я не сдал математику! Её даже Дуг Свитек сдал, а у него оценки вообще ниже плинтуса.

Мистер Гвареччи взял со своего стола какой-то листок.

– Миссис Бейкер прислала мне записку. Она полагает, что тебе следует вторично пройти курс математики за шестой класс.

– На второй год остаться?

– Вероятно, она сомневается в твоей способности усвоить курс седьмого класса при таких результатах за шестой.

– Но…

– Не перебивай меня, Холлинг Вуд. Миссис Бейкер предлагает, чтобы в среду днём, в час сорок пять, ты отправлялся на урок математики в класс миссис Харнет.

Господи, куда же бедному семикласснику спрятаться от миссис Бейкер, мистера Гвареччи, а заодно и от всей Камильской средней школы? Потому что она у этого семиклассника в печёнках сидит! Где бы так спрятаться, чтобы вовсе ни о ком из школы не вспоминать! Может, есть такое место? Может, оно – на борту «Испаньолы», которая летит, подгоняемая ветром, к тропическому острову и бросает там якорь? И ты сходишь на берег, где шумят зелёные пальмы и пестреют крупные пахучие цветы?

А может, это место – Калифорния, где я открою… Как там было, в том идиотском предложении? Вот, вспомнил: «прекрасного так много»!

Тем временем мистер Гвареччи снова уткнулся в моё личное дело. И покачал головой.

– Впрочем, – сказал он, – тут зафиксировано, что экзамен за шестой класс всё-таки сдан.

Я кивнул. И затаил дыхание. Вдруг в душе диктатора небольшой страны победит добро? Ну вдруг?

– Сомнения миссис Бейкер, безусловно, правомерны, – продолжал он. – Но и оценка за шестой класс у тебя, безусловно, положительная.

Я промолчал. Чтобы не спугнуть.

– Так что… пожалуй, оставим пока всё как есть, – произнёс директор.

Я снова кивнул.

– Но имей в виду, Холлинг Вуд! Я буду следить за твоей текущей успеваемостью! – Он хищно потянулся ко мне через стол. – Сорвёшься – окажешься в шестом классе. Глазом моргнуть не успеешь.

Вы никогда не встречались с диктаторами маленьких стран? Так вот, это тоже их тактика: народ надо держать в постоянном нервном напряжении.

Мистер Гвареччи взял ручку и что-то черкнул на записке миссис Бейкер, в верхнем углу. Потом сложил лист и достал из ящика конверт. Не сводя с меня взгляда, он вложил лист внутрь и, лизнув липкую полоску, плотно заклеил конверт. Сверху он надписал: «Для миссис Бейкер». И отдал мне конверт.

– Передашь сам, – сказал он. – Конверт должен остаться запечатанным. Я проверю.

Я взял конверт – запечатанный – и отнёс его миссис Бейкер. Запечатанным. Она его открыла сама, уже когда я сел за парту. Прочитав решение директора, она медленно отложила листок. И посмотрела на меня в упор.

– Пре-сквер-но.

Она произнесла все три слога по отдельности, словно разбирала слово по составу.

Весь остаток дня я пристально наблюдал за миссис Бейкер, но она – хоть и собиралась меня убить – ничем своих намерений не выдала. Лицо – как каменное, как гранитные лица четырёх президентов, выточенные в горе Рашмор. И оно не переменилось ни разу: ни когда у Дуга Свитека сломалась новая ручка и вся его парта оказалась залита синими чернилами; ни когда миссис Бейкер раскручивала на стене свёрнутую в рулон карту мира, а она свалилась ей чуть ли не на голову; ни когда голос мистера Гвареччи из трескучего динамика объявил, что лейтенанта Тибальта Бейкера отправляют во Вьетнам в составе сто первой воздушно-десантной дивизии и все мы должны пожелать удачи ему, а заодно и миссис Бейкер. Лицо у неё было как каменное.

Так всегда бывает с людьми, которые замышляют недоброе.

Октябрь

Все среды сентября прошли одинаково: в меловой пыли.

Без четверти два приходил автобус из храма Бет-Эль, и полкласса ныряло в его утробу.

А без пяти два автобус из собора Святого Адальберта забирал всех остальных, даже Мей-Тай, потому что из Вьетнама её вывезла католическая служба милосердия и католики считали своим долгом обратить её в свою веру.

Оставались только мы с миссис Бейкер. Одни. Лицом к лицу. Часы на стене начинали тикать очень громко.

В первую среду миссис Бейкер, судя по всему, сидела и размышляла, как, не нарушая закон, напомнить мне, что пресвитерианство – это пре-сквер-но.

– Давать вам новый материал с опережением бессмысленно, – рассуждала она вслух. – Лучше завтра послушаете на уроке вместе со всеми.

В итоге я отмывал доску от мела. А потом переставлял на полках ряды учебных словарей Торндайка. Потом снова мыл доску, потому что на ней оставались потёки. Потом я выходил на улицу и выбивал сухие тряпки о стену школы. Белая меловая пыль кружилась в воздухе и оседала прямо на меня. Толстым слоем. Проникала в глаза, в нос, в горло. Я знал, что меня ждёт: активно прогрессирующая болезнь лёгких, которая сведёт меня в могилу очень скоро. Ещё до конца учебного года. И всё из-за того, что я – пресвитерианец.

Так прошла и вторая среда сентября, и третья, и четвёртая. И начало октября тоже. Разве что доску я мыл теперь дочиста с первого раза. Зато миссис Бейкер тут же придумала для меня дополнительные задания: я снимал стенды, прикреплял на них разные учебные материалы тонюсенькими булавками, а потом возвращал на стену и следил, чтобы висели прямо, а не косо. Ещё я снимал шваброй паутину с асбестовых потолочных плит и протирал нижнюю часть оконных стёкол, залапанную нашими пальцами. И открывал окна. Чтобы циркулировал свежий воздух. Так ставила задачу миссис Бейкер.

Проветривать класс в самом деле необходимо. Ведь за загородкой, в раздевалке, народ вечно бросает остатки завтраков, а то и целые завтраки, поскольку нам часто пытаются скормить малосъедобные продукты. Вроде бутербродов с ливером.

Рассованные по углам объедки жутко воняют. Неудивительно, что, когда я навострился делать всё, даже окна, очень быстро, миссис Бейкер предложила мне убрать в раздевалке.

Я и убрал. Не тронул только заготовки Дуга Свитека к проделке номер сто шестьдесят шесть. Он успел припрятать пудинг из тапиоки, слипшуюся пастилу, несколько птичьих перьев, пузырёк с красными чернилами и ещё один непрозрачный вонючий пластиковый пакет, куда я даже не рискнул заглядывать, потому что там лежало что-то ужасное. Возможно, дохлое. Все свои заготовки Дуг сложил в картонную коробку из супермаркета и засунул её на полку над вешалкой.

Я всё так и оставил, трогать не стал.

Думаете, я не стерпел тяжкий гнёт? Пожаловался? А ведь стоило! Меня заставляли разбирать чужие плесневелые объедки, стирать паутину, таскать тяжеленные словари. Но я молчал. Хотя за чистыми, протёртыми моей рукой окнами стояла золотая осень и воздух лился такой прохладный, терпкий и сладкий, что его хотелось не вдыхать, а пить, а на обочинах тлели кучки палых листьев и ароматный дымок щекотал мне ноздри… Я сто раз спрашивал себя: что ты тут делаешь? Зачем глотаешь меловую пыль? Зачем нюхаешь протухший ливер?

Но я не пожаловался. Ни разу. Вы спросите почему?

Потому что ко второй неделе октября осталось только две компании, которые могли рассчитывать на контракт с «Бейкеровской Империей спорта»: «Вудвуд и партнёры» и «Ковальски и партнёры». И каждый вечер после ужина, но до начала телепрограммы Уолтера Кронкайта отец спрашивал:

– Ну что, Холлинг? Как дела с миссис Бейкер?

– Замечательно, – бодро отвечал я.

– Так держать! – говорил отец.

Поэтому я помалкивал.

Вы небось думаете, что, раз уж я страдал за пресвитерианскую веру, Бог позаботился обо мне? Вознаградил? Например, сделал так, чтобы «Нью-Йорк Янкиз» выиграли первенство по бейсболу? Не тут-то было. Нет на свете

справедливости, нет, и всё тут. Вместо «Янкиз» вперёд вышли бостонские «Ред Сокс». Ну что за команда? Второй раз им ни за что не выиграть, помяните моё слово. Даже если они купят трёх Карлов Ястржембски. А где ж они их купят?

Брат Дуга Свитека в школе не показывался. Сам Дуг объяснял это так: десять дней под наблюдением врача братец провёл с кайфом, но когда выяснилось, что помимо его обычных странностей никаких отклонений нет, он понял, что скоро придётся вернуться в класс. И накануне выписки, когда ближе к вечеру они с матерью зашли в школу взять задание, он устроил спектаклик: схватил с доски тряпки и вытряс их себе на голову. Поскольку у его учительницы никто по средам тряпки не выбивает, весь накопившийся в них мел оказался у него на голове. Потом он взял два длинных куска мела, засунул себе под верхнюю губу – наподобие клыков – и так, рыча и воя, удалился в коридор.

В школе к тому времени почти никого не осталось, но по несчастному стечению обстоятельств именно в этот вечер миссис Сидман, которая окончательно решила уволиться даже из администраторов, пришла забрать какие-то личные вещи.

Говорят, отзвуки её воплей гуляли по зданию до самого утра.

Врачи оставили брата Дуга Свитека дома. Ещё на месяц. Наутро миссис Бейкер смотрела на меня так, словно это я во всём виноват. Интересно, в чём? Какое я к этому имею отношение? Просто она меня ненавидит, а в таком случае истина, закон и права человека – всё, что так ценится в Америке, – уже никого не интересуют.

В среду, когда мы все встали, чтобы отправиться на урок географии к мистеру Петрелли, миссис Бейкер смотрела на меня уже не так злобно. Когда мы проходили мимо учительского стола с «Географией для нас с тобой» под мышкой, она мне даже улыбнулась. И эта улыбка меня не на шутку встревожила. Так улыбаются злые гении, которые не сегодня-завтра осуществят свой план покорения мира и уже предвкушают, как всё население планеты будет извиваться в их железной хватке.

Я с трудом удержался, чтобы не припустить бегом. Конечно, по школе бегать запрещено, но уж больно мне хотелось поскорее оказаться в кабинете географии, под крылом мистера Петрелли. Там я буду в полной безопасности.

Мистер Петрелли уверен, что наши знания надо проверять на каждом уроке, у каждого, и пачками заготавливает формы, где мы должны проставлять галочки и крестики. Он выдёргивает листы из ротапринта, не давая им просохнуть, и выглядит поэтому как заправский печатник – все руки в краске. Краска на спирту, так что запах в кабинете стоит специфический.

– Сегодня вы работаете в парах. Заполняете листы вместе. Даю вам на это ровно сорок три минуты, – объявил он.

Слыхали? Сорок три! Всё-таки учителя отсчитывают время по-особому, не как все нормальные люди.

Мирил подсела ко мне, чтобы работать в паре. А я всё размышлял: что же означала улыбка миссис Бейкер?

– Ты здоров? – поинтересовалась Мирил.

– Я? Здоровее всех.

– А чего ручку вверх ногами держишь?

– Спасибо, что заметили очевидное, детектив Ковальски.

– Не за что. Обращайтесь. Слушай, давай ты будешь отвечать, а я – записывать ответы.

– А почему не наоборот? Ты будешь отвечать, а я записывать.

– У меня почерк лучше. Какой штат был первым?

– Делавэр. Как думаешь, миссис Бейкер похожа на злого гения?

– Только в твоём больном воображении. Какой штат объявил о независимости вторым?

– С воображением у меня всё в порядке. Пенсильвания. Миссис Бейкер меня ненавидит.

– Ничего подобного. Ты просто параноик. Называй третий штат.

– Ага, я – параноик, спасибо на добром слове. Нью-Йорк.

Мирил заглянула в учебник.

– Нет, не Нью-Йорк. Нью-Джерси.

– Самая умная?

– Самая начитанная.

А за окном – не очень-то чистым окном в кабинете мистера Петрелли – сиял один из тех удивительных осенних дней, когда небо синее-синее, солнце ещё греет, трава ещё зелёная, а листья багряные и жёлтые. Редкие, лёгкие как дыхание облачка плыли высоко-высоко.

– Четвёртый штат помнишь? – спросила Мирил.

Так мы с ней и проработали до большой перемены. Кстати, я уже не опасался выходить на улицу: брат Дуга Свитека сидел дома с сотрясением мозга, а все, кого миссис Бейкер могла подговорить на повторное покушение, видели первое и боялись, что я их тоже вырублю. Поэтому, выйдя от мистера Петрелли, я побежал в класс – оставить учебник в парте и быстренько выскочить на школьный двор. Я рассчитывал подышать свежим октябрьским воздухом и вернуться целым и невредимым.

Я прямо не чаял поскорее оказаться на улице.

Тут-то и выяснилось, почему миссис Бейкер улыбалась мне так зловеще.

Ровно в тот момент, когда школьные часы пробили полдень, она объявила:

– Все свободны. А вы останьтесь, мистер Вудвуд. У меня есть для вас одно дело.

Я взглянул на Мирил.

– Ну? Слыхала?

– Ты – параноик, – процедила она и вышла из класса.

– Мистер Вудвуд, – сказала миссис Бейкер, – внизу, на кухне, лежат пирожные, которые миссис Биджио пекла для меня всё утро. Будьте так любезны, принесите их сюда. Только не обнадёживайте одноклассников – пирожные предназначены не для них. Это угощение для жён военнослужащих, которые сражаются во Вьетнаме. У нас сегодня днём встреча в соборе Святого Адальберта. Идите.

– Это всё задание? – уточнил я.

– Вы вечно что-нибудь подозреваете, мистер Вудвуд. А подозрительность мужчину не красит.

Я отправился к школьной поварихе. Подозрения мои остались при мне, но я решил, что дело простое и я ещё успею погулять. Подумаешь, сгоняю на первый этаж, потом вернусь на третий, потом – снова на первый, на улицу. Правда, до кухни долго бежать: она расположена в дальнем конце длинного коридора. Наверно, для того, чтобы в классах не пахло едой. Иногда это помогает, иногда нет, и во всей школе воцаряется этакий перечно-гамбургеровый дух. И дух этот не развеивается очень долго – точно под половицами сдох какой-то зверёк.

Наша повариха, миссис Биджио, похоже, полностью лишена обоняния. Либо из-за марлевой маски, которую она носит не снимая, либо просто потому, что за долгие годы работы в Камильской средней школе нюх ей отшибло напрочь.

Да, но у меня-то маски нет, и обоняние у меня острое, поэтому у дверей кухни я на всякий случай остановился и набрал в лёгкие побольше относительно чистого воздуха. Потом я вошёл. И тут же понял, что зря боялся. Ничем дурным тут сегодня не пахло. Пахло выпечкой – вкусной, сладкой, ещё тёплой. Запах масляной сдобы, ванильного крема и сахарной пудры… Все эти чудные ароматы

наполняли горячий от плиты воздух. На длинных столах, подальше от мерзкой школьной еды, которую собирались скормить сегодня на обед ученикам Камильской средней школы, стояли двенадцать подносов с профитролями: одни политые шоколадом, другие посыпанные пудрой, но все лёгкие, воздушные – само совершенство!

– Тебя миссис Бейкер прислала? – спросила миссис Биджио.

Я кивнул.

– Ну, бери сначала вон тот, – велела повариха.

Я подумал о благодарности. Вернее, о неблагодарности. Почему бы миссис Биджио не поощрить меня за помощь? Неужели ни одна живая душа не оценит мой порыв, моё желание помочь? Неужели никто меня не угостит? Одной-единственной профитролькой?

Нет, не угостит. Это ясно как день.

– Взял? Ну, вперёд! Смотри не урони, – добавила она.

«Не уроню, будьте уверены», – подумал я. А ещё – «Не за что». Это в ответ на «спасибо», которого мне никто не сказал.

Я взял по подносу в каждую руку.

– По одному носи! – всполошилась миссис Биджио.

Я посмотрел на неё внимательнее.

– Вы чего, хотите, чтобы я двенадцать раз сходил вверх-вниз?

– О, всё-таки считать тебя мистер Шамович научил, – похвалила она. – Ну, бери один и беги.

Всю большую перемену я носил подносы с пирожными в класс миссис Бейкер. И каждый раз она встречала меня улыбкой.

– Ставьте на полку у окна. Там немножко дует с улицы, они подсохнут и не заклёкнут.

Я всё время помнил об отце, о будущем компании «Вудвуд и партнёры». И не жаловался. Я стерпел, когда миссис Бейкер попросила меня открыть окна пошире и мне пришлось для этого снова снять и переставить все подносы – по одному – с полки, а потом, открыв окно, вернуть их на полку. Я не жаловался.

– Спасибо, – сказала миссис Бейкер, когда часы пробили половину первого и мои одноклассники устремились обратно за парты.

Увидев профитроли, Данни Запфер радостно хлопнул меня по плечу. Видно, рассчитывал, что всем достанется. Шиш, не достанется! Все это поняли, когда миссис Бейкер велела нам взять «Математику для нас с тобой» и стройными рядами отбыть в кабинет мистера Шамовича.

Поверьте на слово: когда знаешь, что на полке у окна осталась стоять дюжина подносов с благоуханными воздушными пирожными, никакая наука на ум не идёт. Хотя нет! Простейшая арифметика тут как раз кстати! Подносов двенадцать, а нас двадцать три, да ещё сама миссис Бейкер. Итого – полподноса на брата. Или сестру. Думаю, это уравнение решил не только я, но и все мои одноклассники, причём очень быстро. И, встретив по пути в кабинет мистера Шамовича параллельный класс, который как раз направлялся к миссис Бейкер, держа под мышками «Родной язык для нас с тобой», мы занервничали. Вдруг они посягнут на наши пирожные?

Но пирожных никто не тронул. Когда мы вернулись, нагруженные теорией множеств, подносы по-прежнему стояли у окна, овеваемые лёгким ветерком из полуоткрытых, вымытых моими руками окон. Однако миссис Бейкер вела себя так, словно никаких профитролей в классе нет. В сущности, раз их нельзя съесть, лучше б их там и не было. Почему мы должны их нюхать, если вся эта роскошь предназначена не нам, а жёнам, чьи мужья воюют во Вьетнаме? Так что лучше бы эти пирожные уже стояли в соборе Святого Адальберта. Нам-то они всё равно не достанутся.

Без четверти два еврейская половина класса устремилась на автобус, присланный из храма Бет-Эль.

Напоследок Данни Запфер шепнул мне:

– Если, пока нас не будет, она даст тебе профитролину – убью!

Согласитесь, не самый богоугодный текст. Да ещё из уст парня, который едет готовиться к бар-мицве.

Когда без пяти два католическая половина класса уходила на свой автобус, Мирил прошипела:

– Если, пока нас не будет, она даст тебе пирожное, готовься к номеру четыреста восемь.

В чём конкретно заключается номер четыреста восемь, я точно не помнил, но думаю, что Мирил пообещала мне примерно то же, что Данни Запфер.

Даже Мей-Тай, уходя, сощурила и без того узкие глаза и сказала:

– Я знать твоя дом.

Зловеще звучит, согласитесь.

Но я понимал, что никакая кара мне не грозит. Потому что пирожное мне точно не достанется. Шансов получить профитроль не больше, чем увидеть у нас в классе президента Линдона Джонсона.

Впрочем, когда все ушли, в класс кое-кто всё-таки вошёл. Только не президент. Прибежал пятиклассник, притащил какую-то коробку.

– Спасибо, Чарльз, – сказала ему миссис Бейкер. – Всё собрал?

– Вроде всё.

– И у мистера Петрелли? И у мистера Шамовича?

Чарльз кивнул.

– А вниз, к миссис Харнет, заходил?

– Ага.

– А к мистеру Лудеме?

– Ага.

– Спасибо. Ставь на стол.

Чарльз водрузил коробку на учительский стол, бросив на меня сочувственный, как мне показалось, взгляд. Потом он вышел, отряхивая на ходу руки.

Руки его, судя по всему, были в мелу.

– Мистер Вудвуд, – начала миссис Бейкер, – последние события навели учителей на одну мысль. Тряпки во всех классах грязные. Поэтому я попросила Чарльза собирать их по средам и приносить сюда. Будьте любезны ими заняться.

Вот и настала пора бунтовать. Или хотя бы пожаловаться. Я подошёл к столу. Заглянул в коробку. Штук тридцать тряпок и губок. Белые от мела, накопившегося в них с начала сентября. Весь мел, со всей школы – за полтора месяца учёбы.

Да, пора жаловаться.

Но тут я вспомнил о будущем компании «Вудвуд и партнёры». И подхватил коробку.

– Я буду в копировальной комнате, – добавила миссис Бейкер.

«Чудненько», – машинально подумал я.

Но тут миссис Бейкер сказала такое, отчего мир у меня перед глазами поплыл и чуть не перевернулся.

– Если управитесь быстро, получите в награду пирожное.

Должно быть, я побледнел.

– Что с вами, мистер Вудвуд? Не ожидали?

Честно? Не ожидал. Я похоронил всякую надежду получить профитроль. Такое воздушное пирожное… Наверно, прямо тает во рту… Это не со мной «что», это с миссис Бейкер «что». Её подменили? Тогда какая из двух миссис Бейкер настоящая? Та, что была раньше, или нынешняя?

Мысленно сравнивая ту и эту, я понёсся вниз через две ступени и выбежал с коробкой на школьный двор.

Октябрьское небо по-прежнему безмятежно синело – точно поджидало меня с самого полудня, когда мне так и не довелось попасть на улицу. Пахло бейсболом, свежескошенной травой – это уже в последний раз перед зимой косят – и пожухлыми, но не упавшими пока листьями. И я вдохнул все эти запахи разом.

Только вот мел… Он, знаете ли, тоже пахнет. А если ты взялся выбивать тридцать тряпок и губок, тебя вообще окутывает целое меловое облако – не продохнёшь. Тот мел, который чудом не попал ко мне в лёгкие, взвихривался вокруг, застилая и стену, о которую я выбивал тряпки, и окна. Кстати, за последний месяц учителя уже привыкли, что по средам окна на первом этаже лучше закрывать.

Я выбивал изо всей мочи. Меня наградят! Чудесным пирожным с кремовой начинкой. Лёгким, воздушным. И никому, совершенно никому не нужно об этом знать – ни Данни Запферу, ни Мирил-Ли, ни Мей-Тай.

Облако мела клубилось уже на высоте второго этажа. По счастью, окна там тоже были закрыты.

Может, миссис Бейкер даст мне даже две профитрольки? Ведь у неё целых двенадцать подносов. Две штучки погоды не сделают.

Ветерок закрутил меловое облако и поднял его ещё выше, до верхнего этажа школы.

А вдруг миссис Бейкер расщедрится и даст мне ещё и третье пирожное – чтоб я отнёс его домой и съел там?

Меловая завеса окутала всё здание: окна седьмых классов уже почти не видны. Эх, кто-то забыл закрыть нижние створки!

Это же кабинет миссис Бейкер! Я сам открыл там окна – для циркуляции воздуха. Для того чтобы чудесные, воздушные пирожные сохранили своё совершенство и не заклёкли!

Подхватив коробку с тридцатью тряпками и губками, двадцать три из которых уже воскурили свой меловой дым прямиком в окна миссис Бейкер, я бросился наверх со всех ног.

Но опоздал.

Меловое облако уже проникло в класс. И, вспомнив про силу земного притяжения, опустилось на пирожные. На каждой профитролине лежал мел, точно густой снег. Или нет – точно сахарная пудра. Как будто миссис Биджио посыпала их добавочным слоем пудры.

– Ну что? Выбираете себе пирожное? – раздался голос миссис Бейкер. Она входила в класс с пачкой синих ротапринтных листов.

– Да… нет… я…

– Выбирайте скорее, – велела она. – Пора нести подносы вниз, ко мне в машину.

Я выбрал пирожное. Надкусил. Мел заскрипел на зубах, точно песок.

Потом я доставил все подносы к машине – по одному – и помог миссис Бейкер погрузить их в салон. Хорошо бы жёны отправленных во Вьетнам военнослужащих не заметили, что пирожные белые не от пудры… Своё я доесть так и не смог. Поднявшись за очередным подносом, я закинул недоеденную профитролину в раздевалку – в угол, где тухли остатки завтраков.

* * *

Вы, наверно, представляете, как разлетаются слухи в маленьком городе? Как каждый рассказчик вносит свою лепту и история обрастает всё новыми и новыми подробностями? Как кончается тем, что в ней не остаётся ни капельки правды? Именно это и произошло с историей о пирожных, которые миссис Бейкер привезла в собор Святого Адальберта. К тому времени, когда слухи достигли ушей моего отца – а на это потребовалось меньше суток, поскольку это было первое, что ему поведали, когда он поутру переступил порог своей конторы, архитектурного бюро «Вудвуд и партнёры», – рассказ звучал так: совершено покушение на жён доблестных воинов, сражающихся во Вьетнаме! Ну, разве это не преувеличение? Разумеется, сначала гнев всех присутствовавших дам обратился на миссис Бейкер, но они всё-таки сообразили, что она вряд ли сыграла бы с ними такую шутку. После все подумали на миссис Биджио, которая тоже посещает такие сборища, поскольку её муж тоже воюет во Вьетнаме. Но миссис Биджио поклялась, что она ни в чём не виновата, а виновата компания, выпускающая такую дурную сахарную пудру, но она им напишет и выведет их на чистую воду. Тогда дамы, то есть жёны, решили не исключать миссис Биджио из своего сообщества, но больше не доверять ей приготовление пищи. Никогда.

Миссис Биджио разволновалась, расплакалась и попыталась убедить жён, что пирожные вовсе не такие плохие. Для этого она положила в рот целую профитролину, прожевала и проглотила.

Врач в больнице Святого Игнатия объяснил, что, если бы миссис Биджио не сдерживалась и вволю покашляла, наверно, обошлось бы без такого тяжёлого приступа.

Вернувшись вечером с работы, отец посмотрел на меня каким-то неожиданно небезразличным взглядом и спросил:

– Холлинг, как там у тебя с миссис Бейкер? Всё нормально?

– Всё путём.

– Ты, случаем, не помогал ей вчера стряпать пирожные?

– Нет.

– Ты, случаем, не пробрался вчера на школьную кухню, не подсыпал какой-нибудь дряни в сахарную пудру миссис Биджио?

– Нет. Никуда я не пробирался.

– Значит, всё в порядке?

– В полном.

– И ты ничего не знаешь о…

Но он не договорил. Поскольку Бог, опомнившись, решил меня защитить – ведь вся эта кутерьма заварилась именно потому, что я был, есть и буду правоверным пресвитерианцем. Бог не дал отцу закончить свой вопрос, а мне – ответить, иначе мне пришлось бы… сказать неправду. Чтобы избежать столь небогоугодного дела, Бог прислал за стол мою сестрицу. Она уселась напротив меня. На щеке у неё красовался ярко-жёлтый цветок.

Отец долго смотрел на цветок, а потом посмотрел на маму.

– Скажи своей дочери, что у неё на щеке жёлтый цветок, – произнёс он.

– Я знаю, где у меня что, – с вызовом сказала сестра.

– Зачем он тебе? – спросил отец.

– Разве не понятно?

– Нет. Или ты пытаешься нам доказать, что ты дитя цветов? Хиппуешь, что ли?

Сестра промолчала.

Зависла такая тишина, точно весь мир затаил дыхание.

– Ну уж нет! – прогремел отец. – Ты моя дочь, а не дитя цветов!

– Дети цветов прекрасны и никому не приносят зла, – парировала сестра.

Отец прикрыл глаза.

– Мы против войны, мы за взаимопонимание! Мы верим в свободу! – продолжала сестра. – Мы хотим помогать друг другу, делиться всем, что имеем. Мы изменим мир.

– Дети цветов, – проговорил отец, внезапно открыв глаза, – это хиппи, которые живут с кем попало, ходят в драных джинсах, обвешанные всякими бисерными фенечками, и никогда не меняют носки.

– Сегодня пятьдесят тысяч детей цветов митинговали против войны у стен Пентагона. Все они считают, что ты не прав.

– К счастью, правота не определяется арифметикой.

– Но президент Джонсон тоже не истина в последней инстанции.

– Благодарю, мисс Аналитик, растолковала политическую ситуацию, – издевательски сказал отец. – А теперь изволь проанализировать вот что: человек, с которым ты сейчас беседуешь, выдвинут в текущем, тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году на звание «Бизнесмен года». Это большая честь, и человек стремился к этой чести всю сознательную жизнь. Кроме того, это позволит ему получать более выгодные и крупные заказы. Так вот: такую честь не окажут человеку, чья дочь причисляет себя к детям цветов. Поэтому пойди умойся.

Наступила ещё одна бесконечно долгая пауза. Весь мир затаил дыхание. Казалось, ещё немного – и мир потеряет сознание от недостатка кислорода.

Потом сестра встала, резко отодвинув стул, и ушла к себе наверх. Вернулась она уже без цветка, только с недостёртым жёлтым пятном на щеке.

– Передай-ка мне миску с бобами, – сказал отец.

Ближе к ночи сестра открыла дверь в мою комнату и остановилась на пороге.

– Спасибочки за поддержку, Холлинг, – сказала она с намёком.

– Зачем тебя поддерживать-то? Чтоб цвела и пахла?

– Чтобы я поверила в себя. И поверила, что я – часть высокого и прекрасного дела.

– Тогда не разрисовывай себе щёки жёлтыми цветуёчками. Глупо выглядишь.

– Да? А ты и без цветуёчков глупо выглядишь, и рисовать ничего не надо.

– Говоришь, за поддержкой пришла?

– Только представь, Холлинг! Около Пентагона собралось пятьдесят тысяч человек! Пятьдесят тысяч! Происходит что-то важное, прямо сейчас, у нас на глазах! И это только начало. Может, тебе пора повзрослеть? Глядишь, и человеком станешь.

– Каким? Хиппарём?

– Таким, который осознаёт себя личностью. Станешь настоящим Холлингом Вудвудом.

– А я, по-твоему, кто?

– Ты-то? Наследничек. Ты тот, кто должен унаследовать компанию «Вудвуд и партнёры». Никакой самостоятельной ценности не представляешь.

– Какая разница, унаследую – не унаследую? Я всё равно Холлинг Вудвуд.

– Да, ты Холлинг Вудвуд. Но тебе и это по барабану. Почему ты позволяешь ему собой помыкать? Почему никогда не поспоришь, не возмутишься?

– Зато ты споришь, возмущаешься. А толку чуть.

Сестра невольно потёрла щёку.

– Вот-вот! Его не переспоришь, – добавил я.

– А я буду спорить! И ты спорь. Пусть знает, что не ему решать, кто ты есть и кем станешь.

– Но цветок ты стёрла, ага? Выходит, открыла рот и – закрыла. Спорить бесполезно.

– Очень полезно! Для меня самой, – выпалила сестра и, убежав к себе в комнату, врубила группу «Манкиз». На всю громкость.

* * *

Наутро миссис Бейкер подстерегла меня у раздевалки.

– Мистер Вудвуд, я полагаю, наш распорядок работы по средам надо изменить.

От таких слов внутри у меня что-то сжалось. И я поневоле вспомнил всё, что ел на завтрак.

– Д-да? А з-зачем? – промямлил я.

– Это необходимо. Подробности обсудим в среду. Но больше никакой уборки и прочих мелких поручений. Впрочем… одно всё-таки будет.

– Одно?

– Да, разовое. В награду получите ещё одно пирожное.

Завтрак поднялся в животе ещё выше.

– Ладно, – пробормотал я. – Поручение выполню. Только пирожных не надо.

– Вот как? – деланно удивилась миссис Бейкер и прошла к своему столу.

Она явно задумала новую стратегию. Кардинально новую. Но какую?

– Так, значит, ты ел пирожное?! – возмутилась Мирил.

– Да не то чтобы…

– Но миссис Бейкер сказала: получите ещё одно пирожное! И ты сказал: ладно. Выходит, одно уже съел!

Тут подскочил Данни Запфер.

– Она дала тебе пирожное?

– Я его не ел.

– Ага, положил на полку и любуешься! Так я и поверил!

– Правда! Не ел!

– Короче, ты нам всем должен пирожные, – заключила Мирил. – Точно такие же профитроли.

– Это как понимать?

– Повторяю для тупых и глухих: ты… нам… всем… должен… принести… пирожные.

– Где я возьму столько пирожных? Для всего класса?

– Это твои трудности, – сказал Данни Запфер. – Гони пирожные или умри.

Мей-Тай глядела на меня сощурив глаза.

Если вы ещё не знаете или уже не помните, я вам скажу: семиклассником быть несладко. Особенно когда тебя все норовят убить.

В тот день по дороге домой я заглянул в булочную Гольдмана, которая по-настоящему называется «Самолучшая выпечка». У Гольдмана продаются профитроли в сахарной пудре и без всякого мела. Но дорогущие – ужас! Чтобы накопить на двадцать два пирожных, надо целых три недели не тратить карманные деньги. Ни цента.

Нет, всё-таки мир устроен очень несправедливо.

В понедельник я сказал Данни, Мирил и Мей-Тай, что мне нужно три недели. Они согласились. Ну, вроде как согласились. Однако угрозы типа «пирожные или смерть» звучали каждый день, обрастая всё новыми красочными подробностями

разнообразных казней, которые мне светят, если одноклассники не получат долгожданных профитролей. И признаюсь честно: у Данни, конечно, богатое воображение, но по сравнению с кровавой бойней, которую выдумывала для меня Мирил-Ли, его наказания – детский сад. Я почти обрадовался, когда в среду все разъехались по своим храмам и мы с миссис Бейкер остались одни.

Верите? Мне было спокойнее один на один с миссис Бейкер!

Хотя я до сих пор не просёк, в чём заключалась её новая стратегия.

– Мистер Вудвуд! – торжественно произнесла учительница. – Мы с вами упустили много возможностей.

– Каких? – Я опешил.

– Интеллектуальных. С этого дня мы каждую среду будем читать Шекспира.

– Шекспира, – послушно повторил я.

– Повторять мои слова совершенно не обязательно. Я считаю, что Шекспир вам вполне по силам.

Я покорно кивнул.

– Для начала мы с вами прочитаем вслух «Венецианского купца» – хочу убедиться, что вы справляетесь с языком. Всё-таки пьеса написана в конце шестнадцатого века. Ну а потом будете читать сами.

Читать Шекспира. Ишь, чего учудила! Учителя заставляют детей читать Шекспира, когда хотят уморить их окончательно. Насмерть. Особо изощрённым способом. Она собирается убивать меня медленно, еженедельно, целых восемь месяцев! Кто ж это выдержит?

– Вы уверены, миссис Бейкер? Хотите, я лучше тряпки повыбиваю?

Учительница покачала головой.

– Нет. Уборки больше не будет. Единственное поручение – почистить клетку. Сикоракса и Калибан не могут жить в такой грязи.

Я посмотрел в дальний угол, на стол с клеткой. На Сикораксу и Калибана.

Я вам ещё про них не рассказывал, верно? Сейчас-то придётся, но вы, если хотите, пропустите следующий кусок. Потому что Сикоракса и Калибан – крысы.

Живой уголок в нашей школе имеется в каждом классе: тут аквариум, там хомячки или песчанки. В крайнем случае белые мыши.

У нас – крысы.

Миссис Бейкер объясняет этот выбор очень просто: их подарил ей лейтенант Тибальт Бейкер. Он увидел их в витрине зоомагазина – маленькие пушистые комочки с розовыми носиками. Они копошились в чистых ароматных кедровых опилках. Лейтенант не удержался, вошёл, поднёс палец к прутьям клетки, и один из крысят этот палец лизнул. Лейтенант сразу понял, что малышам нужен дом.

Домом стал наш класс. Миссис Бейкер ни за что в жизни не расстанется с подарком Тибальта Бейкера, хотя сама к крысам и близко не подходит. Боится.

Вообще-то никто из моих одноклассников туда по доброй воле тоже не подходит, даже бесстрашный Дуг Свитек. Потому что Калибан и Сикоракса давно выросли и не похожи на пушистые комочки. Они превратились в настоящих зверюг, весом не меньше пяти, а то и шести кило. Это на глаз, конечно, поскольку никто их не взвешивал. Кое-где на этих тушах торчат буроватые шерстинки, но в основном наши крысы плешивые. И шелудивые: всё время чешутся. Заметив, что на них смотрят, Калибан и Сикоракса бросаются на прутья клетки, норовят высунуть облезлые носы, клацают огромными жёлтыми зубами и издают утробные звуки, которые и описать нельзя. Нет таких слов, чтоб их описать, потому что звуков таких в природе тоже нигде больше нет.

Думаю, от наших крыс можно чем-нибудь заразиться. Чумой, например.

– А как чистить клетку, если они там сидят? – спросил я.

– В шкафу, в самом низу, есть клетка поменьше. Насыпьте туда немного корма и поставьте клетки вплотную друг к другу, дверца к дверце. Потом раздвиньте разом обе дверцы, Сикоракса с Калибаном перебегут в маленькую клетку, и вы спокойно займётесь уборкой.

Звучит слишком просто. Нет ли тут подвоха? Я посмотрел на миссис Бейкер, но поймать её взгляд не смог. Она уже открыла старинный том с зелёной обложкой и перелистывала тонкие шуршащие страницы.

– Поспешите, мистер Вудвуд. Нас ждёт чудесная пьеса, – сказала учительница.

Я нашёл в шкафу вторую клетку, выполнил все наставления миссис Бейкер, и – вопреки моим опасениям – всё получилось. Крысы, видимо, так проголодались, что ничто, кроме корма, их не интересовало. Наверно, подсунь я им посыпанные мелом пирожные – умяли бы за милую душу. Короче говоря, не успел я открыть выдвижные дверцы, как Сикоракса с Калибаном принюхались, клацнули жёлтыми зубами и рванули пировать. А я, предусмотрительно закрыв обе дверцы, схватил большую клетку и, стараясь не прислонять её к себе и почти не дыша, понёс на помойку. Там я вывалил в бак всё, что накопилось на дне клетки, и понёс её дальше, к крану, торчавшему из стены школы. По счастью, к крану был прикреплён шланг, так что я мыл клетку, стоя от неё на почтительном расстоянии. Чтобы никакую заразу не подцепить.

Потом я открутил в туалете полрулона бумажных полотенец, насухо вытер крысиное обиталище и, притащив его обратно в класс, щедро насыпал внутрь опилок – оказалось, что в глубине шкафа имеется большой запас опилок, целое ведро. Напоследок я наполнил плошки кормом и водой.

Тем временем Сикоракса с Калибаном снова принялись совать ободранные носы меж прутьев и скалить жёлтые клыки. Но делали они это уже не так рьяно, как обычно, – наверно, всё-таки немножко наелись. И глаза у них сейчас были нормального размера, не как плошки. Обычно-то эта парочка пялится на тебя, точно в них бес вселился.

Я снова плотно прижал клетку к клетке и раздвинул дверцы. Крысы устремились домой.

– Кстати, – произнесла за моей спиной миссис Бейкер, – учителя изучают Шекспира с детьми вовсе не для того, чтобы их уморить.

Она читает мои мысли! Я так опешил, что, конечно, обернулся на голос миссис Бейкер.

А в это время… Ну, сами понимаете, я не виноват!

– Мистер Вудвуд! – Миссис Бейкер вскочила.

Оказалось, что Сикоракса и Калибан лезут не куда положено, а наружу, энергично раздвигая на миг отпущенные мною клетки. Их усатые носы победоносно задрались вверх, а жёлтые зубищи кровожадно тянутся к моим пальцам. Я попытался исправить ошибку, но опоздал: обе крысы уже проникли меж клеток и истошно заверещали, едва я сжал клетки чуть сильнее. В чёрных глазках Сикораксы и Калибана вспыхнул адский огонь. Крысы верещали как резаные и скребли когтями по прутьям, которые мешали им выбраться на вожделенную свободу.

– Не делайте им больно! – закричала миссис Бейкер, спеша на выручку крысам. Ну не мне же.

Не делать им больно? Да пожалуйста! Я ослабил хватку, клетки чуть раздвинулись, Сикоракса, извернувшись, зашипела, вскарабкалась на Калибана и почти вырвалась на волю. Мешал ей только мой большой палец. И она бросилась прямо на него – раскрыв пасть с жёлтыми клыками.

– Ай! – Я отпрыгнул подальше от клеток.

– Ш-ш-ш! – сказал Калибан и тоже вылез из щели.

– С-с-с! – откликнулась Сикоракса и спрыгнула на пол.

– Ш-ш-ш! – повторил Калибан и последовал за ней.

– Ой! – воскликнула миссис Бейкер и одним махом взлетела на парту Данни Запфера.

– Ой! – повторил я, потому что Сикоракса с Калибаном пробежали по моим ногам – прямо по ногам! – и ринулись в раздевалку, в угол, где валялись пакеты с плесневелыми остатками завтраков.

Дышали мы с миссис Бейкер тяжело, точно после стометровки. Она с трудом произнесла:

– Бегите за мистером Вендлери. Скорее.

Я побежал. Сначала по крышкам парт, потому что не жаждал снова испытать прикосновение крысиных лап. А потом пулей вылетел вон.

Школьному завхозу мистеру Вендлери я не сказал, зачем он нам понадобился. Просто привёл его в кабинет миссис Бейкер, а то бы он, чего доброго, вообще не пошёл.

В классе я залез обратно на парту, и мы с миссис Бейкер принялись наперебой рассказывать завхозу, что произошло. Глаза у него постепенно расширялись и округлялись всё больше. Наконец он кивнул и принёс из подсобки лопату, какой сгребают снег, и две метлы. Мётлы он выдал нам и велел:

– Гоните их с той стороны, а я буду караулить с лопатой.

– Гнать? – тупо повторил я.

– Только осторожно! – умоляюще сказала миссис Бейкер. – Чтобы не сделать им больно!

– Значит, гнать? – снова, уже понастойчивее, повторил я. Но меня никто не услышал.

– Я их не трону, – заверил учительницу мистер Вендлери. – Если они не тронут меня.

Он, кстати, как в воду глядел. Тронули.

Пока же мы с миссис Бейкер слезли с парт. На пол.

– Гнать, говорите? – спросил я в третий раз.

– Смелее, мистер Вудвуд, – ободрила меня миссис Бейкер.

Но вообще-то ни она, ни я особенной смелости не преисполнились. Просто тихонько двинулись к раздевалке с мётлами наперевес. А когда мы поняли, что надо тыкать мётлами в тухлые остатки еды, решимости у нас ещё поубавилось. Но мы потыкали. Потом мы потыкали в висевшие на крючках куртки и мешки с обувью – и из рукава куртки Дуга Свитека с писком выскочили крысы. К их когтям пристали уже сильно несвежие остатки не доеденной мною профитролины. Решимости у нас не осталось вовсе.

Крысы, истошно вереща, устремились на мистера Вендлери. Мы – следом.

– Ой!

Когда мы выскочили из раздевалки, завхоз уже забрался на парту Данни Запфера.

– Они там! – закричал он, тыча пальцем под батареи.

Но крысы не собирались сидеть там долго.

Сначала послышалось шипенье. Потом по стене зацарапали когти. А потом топот когтистых лап раздался уже наверху. Он доносился с потолка, из-за асбестовых плит. Крысы ушли в пространство между потолком и крышей. Только засохший кусочек пирожного валялся возле батареи.

– Я, пожалуй, схожу за мистером Гвареччи, – поспешно сказал завхоз.

Миссис Бейкер, которая за это время успела каким-то образом перебраться с парты на собственный стол, посмотрела на меня, потом на остатки пирожного, потом снова на меня и сказала вслед завхозу:

– Поскорее, мистер Вендлери.

И всё. Про пирожное ни слова.

Уж не знаю, в чём заключается её новая стратегия, но она не так уж плоха.

Вскоре на место происшествия прибыл мистер Гвареччи. Прибыл запыхавшись, поскольку ни директора школ, ни диктаторы небольших стран бегать не привыкли. Он осмотрел пустые клетки, заглянул в раздевалку и, наконец, приложил ухо к стене.

– Ничего не слышу, – сказал он.

Мы тоже давно не слышали никаких звуков.

– Может, убежали? – с надеждой проговорил мистер Вендлери.

– Вопрос в другом, – перебил его мистер Гвареччи. – Как крысы выбрались из клетки?

Ну какая ему разница? Как будто ответ на этот вопрос что-нибудь изменит.

– Я чистил клетку, – честно признался я.

– Это я виновата, – поспешно сказала миссис Бейкер. – Я напрасно позволила мальчику чистить клетку.

– Да, пожалуй, – согласился директор и задумчиво потёр подбородок. – Так или иначе… они на свободе… Но об этом никто не должен знать. Слышите? Пока… гм-м… беглецы не будут пойманы, об этом инциденте никто не должен знать. Никто, кроме присутствующих. – Мистер Гвареччи понизил голос и отчеканил: – Ни одна. Живая. Душа.

Так началась кампания «Гвареччи против беглецов».

Замечу кстати, что, когда Калибан и Сикоракса выбрались из клетки, я на самом деле говорил не «ай» и не «ой». И миссис Бейкер не ойкала. И мистер Вендлери тоже.

Мы употребляли выражения позабористей.

* * *

Не скажу, чтобы я так уж жаждал остаться с миссис Бейкер один на один. А пришлось. Потому что директор с завхозом ушли разрабатывать план.

До сих пор миссис Бейкер так ничего и не сказала про остатки пирожного. Но я понимал, что разговор этот она непременно заведёт, рано или поздно. Оказалось, не поздно и не рано, а сразу же. Как только за мистером Гвареччи и мистером Вендлери закрылась дверь, учительница скрестила руки на груди и, окинув меня задумчивым взглядом, сказала:

– Значит, вы так и не съели пирожное?

Я покачал головой. С видом вполне невинным.

– А притворялись, будто съели.

Я промолчал. Будущее компании «Вудвуд и партнёры» висело на волоске.

– Вы поступили мудро, пирожные оказались невкусные. Садитесь.

Вот и всё. Честное слово! Больше она к этой теме не возвращалась.

Я уже хотел слезть с парты и сесть по-нормальному, но вспомнил, что это опасно, и принялся озираться.

– Мистер Вудвуд, спускайтесь, – нетерпеливо потребовала миссис Бейкер.

Меня так и подмывало напомнить ей, что сама она до сих пор стоит на собственном учительском столе, но раз уж у компании «Вудвуд и партнёры» снова появились шансы, я не стал рисковать.

Чтобы подать мне пример твёрдости и решительности, миссис Бейкер, оглядевшись, перебралась на стул и боязливо спустила на пол сначала одну, а потом и другую ногу.

– Ну, идите на место, – повторила она.

Потом она выдвинула самый нижний ящик стола и достала оттуда ещё одну толстенную книгу, уже не с зелёной, а с чёрной обложкой. Сдув с неё паутину, она подошла к моей парте и положила этот кирпич прямо передо мной. От книги пахло пылью и плесенью.

– Сочинения Уильяма Шекспира, – объявила миссис Бейкер. – Пища для души и ума, если таковые имеются. Открывайте пьесу «Венецианский купец».

Я открыл.

Поджимая ноги, мы с ней попеременно читали эту пьесу до конца учебного дня. Буковки там мелкие-мелкие, глаза сломаешь, а иллюстрации совсем дурацкие: нелепые человечки в картинных позах – ручки подняты вверх, ладошки разведены в стороны, вроде распустившихся цветочков. А наряды-то какие нелепые! В таком виде и на люди стыдно показаться!

Самое интересное, что стратегия миссис Бейкер всё-таки не сработала. Она ведь хотела меня уморить этим Шекспиром, хоть и прикидывалась, будто это не так. Но ничего у неё не вышло. «Венецианский купец» оказался неплохой вещицей, нескучной.

Хотя до Стивенсона Шекспиру, конечно, далеко. И всё, что связано с ростовщиком Шейлоком, поначалу показалось жуткой тягомотиной. Но потом-то он себя проявил! Он готов вырезать у Антонио сердце, если тот просрочит с выплатой по векселю. Ведь и Джон Сильвер поступил бы точно так же! А потом входит Порция и произносит слова, от которых всё вообще с ног на голову переворачивается. Она говорит, что

Земная власть тогда подобна Божьей,

Когда с законом милость сочетает.

Когда миссис Бейкер прочитала эти слова, у меня аж мурашки по всему телу побежали.

Только Шейлок – мне не чета, его так просто не прошибёшь. У него руки чешутся пырнуть должника ножом. Но тут снова вступает Порция, снова всё переворачивает шиворот-навыворот, и дело кончается тем, что судья отпускает Антонио.

Не действует по принужденью милость;

Как тёплый дождь, она спадает с неба

На землю и вдвойне благословенна:

Тем, кто даёт и кто берёт её.

Меня эти слова прямо до нутра пробрали.

Так что новый коварный замысел миссис Бейкер тоже провалился.

* * *

В ту ночь мне приснился брат Дуга Свитека, только он был Шейлоком и стоял надо мной с футбольным мячом в руках. И готовился запулить мне его прямо в лицо – за то, что я его вырубил. А потом подходит Мирил-Ли, и брат Дуга Свитека смотрит на неё, и я тоже смотрю на неё и жду, что она скажет про милость, которая как тёплый дождь и не действует по принужденью, а Мирил открывает рот и говорит:

Вперёд: вот голова его, вот мяч.

Так бей же!

Поневоле вздрогнешь!

И тут я смотрю на миссис Бейкер, которая – судья на этом суде. Она улыбается, а на щеке у неё нарисован жёлтый цветок. Я оглядываю зал суда и вижу отца. И думаю: может, он всё-таки подкупит судью? Отец спрашивает: «Ну, как там у тебя с миссис Бейкер? Всё нормально?» Я отвечаю: «Конечно, просто зашибись!» – «Но что ты наделал?» – спрашивает отец. А миссис Бейкер продолжает улыбаться.

Я вам так скажу: писал Шекспир неплохо. Но если б он знал, что у нас тут происходит – про нас с Мирил, про брата Дуга Свитека и про миссис Бейкер, – он бы завернул сюжет покруче.

* * *

Мы продолжали разбираться с «Венецианским купцом» и в самом конце октября пьесу дочитали. И тут миссис Бейкер попросила меня высказаться. Проанализировать образ Шейлока.

– Он вроде неплохой, да? – сказал я.

– Конечно неплохой, – согласилась миссис Бейкер.

– Он такой человек…

– Какой?

– Ну, он хотел бы жить по-своему. Поступать, как ему хочется.

Миссис Бейкер задумалась.

– А у него получается? – спросила она, помолчав.

Я покачал головой.

– А почему?

– Так ему же не дают. Все вокруг ждут от него определённых поступков. И он так и поступает. Деться ему некуда.

– Потому-то жанр этой пьесы – трагедия, – заключила миссис Бейкер.

Ноябрь

В ноябре, как водится, зарядили дожди. Дни стояли сырые и мрачные, туман стелился над Лонг-Айлендом, то и дело вытягивая язык, чтобы лизнуть стену или крышу. Идеальная дорожка, которая ведёт к Идеальному дому, теперь всегда была мокрая. С азалий опали последние бело-розовые цветы, а следом за ними и листья. Кустики стояли голые и так стыдливо ёжились, что отец обкрутил их мешковиной, и вся она тоже вскоре отсырела. В первую субботу ноября я в последний раз выкосил траву на лужайке перед домом, а после за газонокосилку взялся отец и исправил все мои огрехи: ясное дело, газон перед Идеальным домом должен выглядеть идеально до самой весны. Ещё через неделю нам пришлось забраться на крышу и вычистить водостоки, поскольку, едва начинался дождь, в желобах и трубах накапливалась грязная вода и, перехлёстывая через край, пачкала чистейшие стены Идеального дома. Отца это страшно бесило.

А уж как он взбесился, увидев протечку в гостиной! Туда ведь никто не заходит, так что никто не знал, сколько времени вода сочилась через перекрытие и

капала с потолка на пол. Когда мама пришла пылесосить, пятно на потолке уже разрослось – стало примерно с крышку ведра – и покрылось плесенью. В тот вечер отец взял стремянку и полез это пятно потрогать. Задрал голову – а тут как раз отвалился кусок штукатурки, заплесневелый такой. Отцу даже в рот немного попало.

Ужин прошёл очень тихо. Мрачно.

Но на то и ноябрь, самый мрачный месяц года. В ноябре вообще сомневаешься в существовании солнца и неба, и если вдруг проклюнется лучик солнца и засквозит голубое небо меж туч, хочется за это сказать отдельное спасибо. А когда становится ясно, что ни лучиков, ни синевы уже не будет, начинаешь мечтать о снегопаде. Чтобы весь этот безнадёжно серый мир засиял белизной, чтоб глаза резало от белизны.

Но в ноябре на Лонг-Айленде снега не жди. Идёт дождь. Идёт и идёт, беспросветно.

Думаю, следующую пьесу Шекспира миссис Бейкер выбрала из-за погоды. Называется «Буря».

Только и этот её коварный замысел потерпел крах. Потому что «Буря» оказалась даже лучше «Венецианского купца». Если честно, «Буря» почти затмила «Остров сокровищ», а это, сами понимаете, дорогого стоит.

Удивительно, сколько разных прикольных штук насовал Шекспир в эту «Бурю»! И шторм на море, и покушения всякие, и ведьм с волшебниками, и невидимых духов, и революцию. Напиваются они там в стельку, так что засыпают мертвецким сном. А главное, там есть злое чудище по имени Калибан, представляете? И мать его звали Сикораксой! Кстати, мне кажется, сама миссис Бейкер эту пьесу не читала, иначе она бы её мне не дала. Потому что детям такое, по-моему, читать не стоит. Разве что в кратком пересказе.

Калибан – чудище из пьесы, а не наша сбежавшая крыса – употребляет бранные слова. Такие… вполне крепкие. По сравнению с ними словечки, которые говорил, стоя на парте, мистер Вендлери, – детский лепет. Даже брат Дуга Свитека так не ругается, а уж он-то умеет. Иногда такое сказанёт – жёлтый школьный автобус покраснеет от стыда.

Я решил выучить все шекспировские проклятия. Хотя достоверно не знал, что они означают. Ну и пусть. Главное, произносить их поубедительнее. Смачно. Я принялся тренироваться у себя в комнате, мысленно адресуя ругательства сестре.

Вихрь юго-западный дохни на вас

И волдырями обмечи вам кожу!

Вы небось думаете, что это не очень забористо. Но если произносить слова медленно и угрожающе, особенно волдырями, получается страшненько. А если ещё глаза сощурить, так по-настоящему страшно! Зато остальные проклятия, которые изрыгает Калибан, наоборот, надо говорить быстро и громко:

Багряная чума вас задави!

Или вот это:

Пади на вас все жабы, гады, чары Сикораксы!

А вот это ещё почище:

Пади на вас нечистая роса

Гнилых болот, которую сбирала

Мать вороновым колдовским пером!

О чём тут речь, я толком не знаю, но если сказать последние три слова с нажимом, результат гарантирован.

Ну, убедились теперь, что миссис Бейкер этой пьесы не читала? Знай она, что тут такое непотребство, ни за что бы не дала мне книгу.

Я репетировал каждый день после ужина. Снимал рубашку – мне казалось, что так получится пострашнее, – вставал перед зеркалом в своей комнате и начинал с жаб и гадов. Мне эта фразочка виделась самой забористой. К тому же на слове С-с-сикоракс-с-сы у меня аж слюна брызгала во все стороны. По-моему,

впечатляюще!

Накануне второй среды ноября я говорил эту фразу без запинки, а на слове жабы буквально квакал, да так, что кровь стыла в жилах. Вечером, во время репетиции, в дверь постучала мама.

– С тобой всё в порядке? – встревоженно спросила она.

– Да. А что?

– Мне послышалось, ты сам с собой разговариваешь.

– Я репетирую… выступление, – ответил я и, в сущности, даже не соврал.

– Ладно, репетируй. Не буду мешать, – сказала мама и ушла.

Я ещё немного поработал над «чумой», так как она годится на все случаи жизни.

Потом в дверь постучал отец. Наверно, в телевизоре случилась рекламная пауза.

– Холлинг, твой голос даже из подвала слышен, – сказал он. – Что, собственно, происходит?

– Шекспира разучиваю.

– На кой он тебе сдался?

– Для миссис Бейкер.

– Для миссис Бейкер? – Отец удивился.

– Угу.

– Тогда зубри дальше. – И отец ушёл обратно к телевизору.

Я снова обратился к жабам и прочей нечисти и репетировал, пока в дверь не постучала сестра.

– Холлинг!

– Что?

– Заткнись, а?

– Пусть тело волдырями вам ветер юго-западный покроет! – провозгласил я.

Сестра распахнула дверь.

– Что ты вякнул?

Пред лицом шестнадцатилетней сестры, которая того и гляди запулит в тебя чем-нибудь тяжёлым, Шекспир бессилен.

– Уже молчу, – поспешно сказал я.

– И не вздумай снова орать, – предупредила сестра. – Рубашку бы надел, что ли. Супермен выискался.

Она захлопнула дверь.

Я решил, что репетицию пора сворачивать.

Утром я отправился в школу намного раньше обычного: там ведь тоже можно порепетировать, пока одноклассники не подтянутся. На третьем этаже, посреди широкого коридора перед нашим классом, я застал такую картину: мистер Вендлери одной рукой придерживал стремянку, а другой подавал стоявшему на ней мистеру Гвареччи мышеловки, вернее крысоловки с пружинами. Я видел

только ноги директора, поскольку он вынул одну потолочную плиту и влез в отверстие почти до пояса.

– Давайте последнюю, – скомандовал он завхозу. – Так, хорошо. А теперь сыр.

Мистер Вендлери пошарил в боковом кармане комбинезона и, достав целлофановый пакет с кубиками сыра, протянул вверх. Рука директора опустилась и, забрав пакет, снова скрылась.

– Отодвигаем пружинку, – озвучивал свои действия директор, – кладём кусочек сыра…

И тут раздался щелчок. А потом с неба пала не божья роса, не манна небесная, а – мистер Гвареччи.

– О-о-о! – произнёс он.

Если честно, произнёс он, конечно, не «О-о-о!», а совсем-совсем другое слово. Получилось не так красочно, как у Шекспира, и не так выразительно, как читает Шекспира миссис Бейкер, но вполне внушительно.

Директор приподнял голову. Лицо у него было красное, а пальцы – ещё краснее. Он размахивал и тряс рукой, словно старался стряхнуть её с себя вовсе.

– О-о-о! – произнёс он снова. (Он, конечно, говорил не «О-о-о», ну да вы и сами поняли, верно?)

– А попробуйте «Сгнои тебя чума», – предложил я.

Мистер Гвареччи посмотрел на меня с пола.

– Ты откуда взялся? – спросил он.

– Ещё можно: «Пусть вредная роса падёт на вас». – Я был готов поделиться с ним всем, что выучил.

Мистер Гвареччи снова затряс прищемлёнными пальцами и простонал:

– В такую рань ученикам в школе не место.

– Он видел, что мы ставим крысоловки, – недовольно сказал мистер Вендлери.

– Это тот семиклассник, который выпустил крыс. Он и так всё знает, – отозвался директор.

Завхоз скорчил страшную мину и поднёс палец к губам.

– Ни звука! – велел он мне.

– Пусть ж-ж-жабы-крыс-с-сы заедят меня, если проговорюсь, – пообещал я. И слюной брызнул на «крыс-с-сах» для убедительности.

Мистер Гвареччи посмотрел на меня странным взглядом, а потом медленно встал, собрал упавшие вместе с ним крысоловки и снова полез на лестницу. Я его за такое упорство зауважал. Пальцы-то у него, наверно, сильно болели.

– Иди в класс, Холлинг Вуд, – скомандовал он.

Миссис Бейкер оказалась на месте. Она сидела за столом и глядела на потолок, прислушиваясь к доносившимся сверху звукам: крысы топотали и скреблись прямо у нас над головой. Мы стали слушать вместе. Наконец всё стихло.

– Никому ни слова, мистер Вудвуд, – предупредила учительница.

– Ни слова, – повторил я и прошёл к своей парте.

– Вы дочитали «Бурю»? – спросила она.

– Да.

– Что ж, сегодня днём обсудим. – Он кивнула и взялась за проверку наших сочинений, которые стопкой лежали перед ней на столе. Красные пометки

запестрели на белых страницах, как следы бубонной чумы.

Репетировать было решительно негде. Тем не менее я надумал тренироваться потихоньку – чтобы в критической ситуации не забыть ругательства Калибана. И вот, уткнувшись носом в парту, я прошипел: «Водянкой дуй на вас, о дьявольские твари». Я тут, конечно, слукавил, соединил слова из двух разных мест пьесы. Но мне показалось, они будут хорошо сочетаться. Да, звучит неплохо. Я произнёс их снова, представляя Калибана и Сикораксу – не ведьму Сикораксу и её сынка Калибана из «Бури», а наших крыс. Чем не дьявольские твари?

– Водянкой дуй на вас, о дьявольские твари! – шептал я страшным шёпотом.

– Вы хотите что-то сказать? – спросила миссис Бейкер.

Я выпрямился.

– Нет.

– Значит, у вас в парте никто не прячется? И вы ни с кем не разговариваете?

Я замотал головой.

– Кроме нас с вами тут никого нет, мистер Вудвуд, – сказала миссис Бейкер, отложив красную ручку. – Мы в последнее время часто общаемся один на один, верно? Поэтому я и решила, что вы хотите мне что-то сказать. Я ошибаюсь?

– Я не… я ничего…

– Мистер Вудвуд! Что вы сказали?

– Водянкой дуй на вас, о дьявольские твари!

Миссис Бейкер помолчала.

– Так и сказали? – уточнила она.

– Да.

– Забавно. В пьесе такой строки нет, слова взяты из разных мест. Вы, похоже, решили переписать Шекспира?

– Зато ритм получился.

– Ритм, – повторила она задумчиво.

– Ага. Мне нравится.

Миссис Бейкер ещё помолчала, а потом кивнула.

– Мне тоже, – сказала она и снова принялась кропить наши сочинения бубонной чумой.

Вот и весь разговор.

Но я сидел, совершенно потрясённый.

Эти два проклятия она опознала! Выходит, она знает, что в пьесе ругаются?

Значит, она её читала?!

Читала – и мне подсунула? Ничего себе!

Похоже, замыслы у неё даже более коварные, чем я думал…

И всё-таки я попробую вворачивать ругательства Калибана при каждом удобном случае. И стану выбирать слова попроще.

На большой перемене я обнаружил, что мама упаковала мне с собой бутерброд с болонской колбасой, но забыла положить в него майонез. Зато она положила туда жухлую веточку сельдерея, которая валялась в холодильнике ещё с прошлой недели. Но самое ужасное, что печенье оказалось с плесенью. Я в сердцах вспомнил любимое слово Калибана – труха! – и, отбросив еду, вышел на

улицу.

Брат Дуга Свитека нёсся по футбольному полю, а шестиклашки, завидев его, бросались врассыпную, словно он – ветр юго-западный, что враз покроет им всё тело волдырями!

– Кривляка обезьянья! – прошипел я себе под нос. Так, чтобы брат Дуга Свитека не услышал. – Пёстрый паяц!

В туалете восьмиклассники устроили настоящую дымовую завесу, так что даже запах хлорки не ощущался.

– Как превращу вас в обезьян противных, низколобых! – пробормотал я. Так, чтобы никто не услышал.

На географии мистер Петрелли объявил новую тему: «Река Миссисипи в твоей жизни». Я поднял руку и сказал, что никогда на Миссисипи не бывал и в обозримом будущем туда не собираюсь. Поэтому никакой роли эта река в моей жизни не играет.

– Вудвуд, ты же не пуп земли. Разве всё в жизни сводится к личному опыту? – Учитель пожал плечами.

А чего пожимать плечами, если сам сказал, что тема урока – «Река Миссисипи в твоей жизни»? Разве «твоя» – это не моя? Или моя жизнь – это не моя жизнь? Но спорить с ним бесполезно. В нашей школе, особенно на уроках мистера Петрелли, самый правильный ответ – вовремя заткнуться.

Учитель между тем продолжал рассуждать:

– Например, сделайте доклад о…

– Нетопырях, жуках и жабах – слугах Сикораксы, – прошептал я тихонько. Но прямо в точку.

Пение у нас ведёт мисс-Вайолет-на-шпилистых-шпильках. Это не из Шекспира. «Шпилистые шпильки» когда-то придумал Данни Запфер. Потому что более

тонких и высоких каблуков никто из нас никогда не видел. Так вот, в тот день мисс-Вайолет-на-шпилистых-шпильках решила, что у нас в классе слишком много альтов, и велела мне переместиться в группу сопрано.

– Почему я?

– У тебя чудный высокий голос, Холлинг.

– Я не могу петь сопрано.

– Споёшь. Ты отлично вытягиваешь высокие ноты.

Я отправился к девчонкам.

– У тебя чудный высокий голос, Холлинг, – едко повторил Данни мне вслед.

– Клеврет, – буркнул я.

Мирил потеснилась, и я встал рядом с ней, за один пюпитр.

– А ты и не знал, что умеешь женским голосом петь? – съязвила она.

– Кроты слепые! Змеи своим шипеньем вас сведут с ума! – ответил я.

Ух, как здорово! Я и вправду поднаторел, комбинируя разные строчки.

Мирил схватила меня за руку.

– Как ты сказал?

Тут мисс-Вайолет-на-шпилистых-шпильках постучала дирижёрской палочкой, призывая нас к тишине. Потом она вскинула руки, взмахнула ими медленно и величественно – и мы запели попурри из американских якобы народных песен, от которых наши сердца якобы обязаны преисполниться любви к родной стране. Я сделал вид, что изо всех сил стараюсь вытягивать верхние ноты. А их оказалось предостаточно.

Мирил так и не отцепилась от моего локтя.

– Как ты сказал? – снова спросила она в паузе между куплетами.

– Я только лишь странник на бренном пути… – пел я.

– А ну повтори, что сказал! – прошептала Мирил.

– Бреду сквозь земные печали и горе…

Рука Мирил угрожающе потянулась к моему горлу.

Мисс-Вайолет-на-шпилистых-шпильках снова постучала дирижёрской палочкой. Хор смолк.

– Мирил-Ли! – громко сказала учительница.

Мирил опустила руку. Щёки её пылали ярким румянцем, какой увидишь только в мультиках по телевизору.

– Мирил-Ли Ковальски, – повторила мисс Вайолет. – Я отправила Холлинга в группу сопрано не для того, чтобы ты с ним заигрывала.

На этих словах лицо у Мирил стало такое… такое… будто она мечтает провалиться сквозь землю. Точнее, чтобы земля разверзлась и поглотила её разом, окончательно и бесповоротно. Всё у неё стало круглым: глаза, рот, ноздри и даже веснушки.

Мисс Вайолет постучала палочкой, и мы запели развесёлую песенку в стиле кантри:

Люди – плуты, хитрецы и обманщики,

Все мечтают поднабить свои карманчики…

Тут Мирил наступила мне на ногу и принялась давить и давить – со всей силы. Я сдержался и даже не ойкнул. А сдержаться-то не очень просто. Сразу вспомнишь о мире, полном скорби, и о бренном людском пути тоже не забудешь.

Потом была физра, и мы накручивали круги по стадиону вместе с восьмиклассниками. От них – особенно от брата Дуга Свитека – разило табачным дымом.

– Эй, Вудвуд! – окликнул меня тренер Кватрини. – По-твоему, это бег?

Когда имеешь дело с учителем физкультуры, милость вообще не действует – ни по принуждению, ни без. Никак.

А бежать я не мог по одной простой причине: до самого конца попурри, пока мы пели «В дороге я грущу» и до третьего куплета «Блюза моей печали», Мирил ввинчивала каблук мне в ногу. И если у медиков существует диагноз «внутриножное кровотечение», то я себе этот диагноз поставил однозначно.

– Отродье ведьмы, – пробормотал я себе под нос. Так чтобы не слышал тренер Кватрини. – Пёстрый шут! Клеврет!

Зато меня услышал брат Дуга Свитека. Оказалось, он бежит по соседней дорожке как раз позади меня.

– Это чё? – спросил он.

– Что «чё»?

– Чё ты сказал? – Брат Дуга Свитека снизил скорость, поскольку хотел добиться от меня ответа, а я едва ковылял. – Чё такое «клеврет»?

– Ну… это… – Я замялся.

– Говори! – потребовал брат Дуга Свитека.

– Это типа…

– Сам не знаешь!

– Ну, клеврет… он съел кучу клевера, объелся, и теперь его вот-вот вырвет. Будет весь в блевоте.

На этом моя фантазия иссякла. Я мог думать только о ноге. Сами понимаете: внутриножное кровотечение.

– Говоришь, клевером объелся? – сказал брат Дуга Свитека вполне миролюбиво. – Всего-навсего?

– Ага.

– А-а… Тогда ладно. Побёг я. – И он рванул вперёд, оставляя за собой терпкий табачный запах.

* * *

Когда одноклассники отчалили – кто в синагогу, кто в собор Святого Адальберта, миссис Бейкер выдала мне проверочный тест по пьесе «Буря». Сто пятьдесят вопросов. Сто пятьдесят! Да самому Шекспиру на добрую половину этих вопросов слабо? ответить!

– Что ж, – произнесла миссис Бейкер, – покажите, что вы прочитали и усвоили, мистер Вудвуд.

Взяв тест, я уселся за свою парту и достал карандаш.

– Кстати, в тесте нет ни одного вопроса по крепким выражениям, которые употребляет Калибан, – добавила миссис Бейкер. – Их-то вы точно усвоили, можно не проверять.

Да, учителя, как видно, и вправду обладают каким-то шестым чувством. Или ген у них такой есть, учительский. Как ни назови, всё равно мурашки по коже. Наверно, когда человек открывает в себе этот ген, он и принимает решение стать учителем. Просто с такими сверхспособностями ничего другого не

остаётся – только в учителя.

Я принялся за работу. Карандаш скрёб по бумаге, а наверху, за потолочными плитами, скреблись Калибан и Сикоракса.

Тест я сдал за пять минут до конца учебного дня. Миссис Бейкер невозмутимо приняла у меня листы и, достав из нижнего ящика толстый красный фломастер, сказала:

– Постойте рядом, мистер Вудвуд. Сейчас вместе посмотрим, что у вас получилось.

Прозвучало это так, словно мне предлагалось встать рядом с зубным врачом и посмотреть, как мне будут сверлить дырку в зубе.

Первые четыре ответа оказались неправильными, и миссис Бейкер один за другим перечеркнула их жирными красными крестами. Прямо-таки насмерть ранила мой тест, и он, истекая чернильной кровью, ждал нового нападения.

– Н-да, начало не самое удачное, – заметила миссис Бейкер.

– Не действует по принужденью милость, – произнёс я.

Она подняла глаза и – улыбнулась! Настоящей, не учительской улыбкой! Надо же! Оказывается, миссис Бейкер умеет улыбаться.

– А на весах всего лишь мяса фунт. Не больше и не меньше, – произнесла она.

Если бы!..

Впрочем, не то Бог и в самом деле явил мне свою милость, не то я просто втянулся, но ответы на последующие вопросы были чаще правильные, чем неправильные. Чернильная кровь перестала хлестать из зияющей раны, превратилась в ручеёк, а потом и вовсе иссякла. На последние тридцать вопросов я ответил без единой ошибки.

– Что ж, мистер Вудвуд, поздравляю. Кривая вывезла.

Что ещё за кривая? Куда вывезла? Наверно, какое-то ругательство Калибана, на которое я не обратил внимания.

– К следующей среде переделайте всё, что сделали в тесте неверно. И перечитайте «Бурю» заново.

– Заново? – вырвалось у меня. Прочитать четыре раза «Остров сокровищ» – дело понятное. Но не пьесу Шекспира! Пусть даже самую хорошую.

– В «Буре» помимо витиеватых проклятий есть много интересного. Вы обнаружите это при повторном прочтении.

– Повторном?! – Я возмутился и даже не порывался это скрыть.

– Повторение – мать учения, вы об этом слышали? – Миссис Бейкер усмехнулась. – Кстати, это не фигура речи, а чистая правда. Перечитайте, не пожалеете.

Вот так.

В целом эта среда выдалась не такой уж плохой. Не считая внутреннего кровотечения. В стопе. И наружного – в начале теста. Кровищу миссис Бейкер моему тесту, конечно, пустила, не без этого. Ну и сам тест в сто пятьдесят вопросов длиной – тоже не подарок. Да ещё эта дикая идея перечитать «Бурю»… Но в остальном – неплохо.

Я – прихрамывая, но бодро – шёл домой и размышлял, что, если начать прямо сегодня и читать по одному акту за вечер, к следующей среде я как раз уложусь, без особого напряга. Дело на этот раз должно пойти побыстрее, ведь текст уже знакомый.

Короче – жизнь налаживалась. Я повеселел, и мир вокруг меня тоже. Сами знаете, как это бывает: идёшь себе, а тут солнце из-за тучки выглянет, воробьи зачирикают, ветерок тёплый ластится. И получается, что ты счастлив и весь мир счастлив вместе с тобой.

Удивительное ощущение!

Но не слишком ему доверяйте. Особенно в ноябре. Особенно на Лонг-Айленде.

Потому что на вашем пути может случиться булочная. Например, булочная Гольдмана. И когда вы, прихрамывая, будете идти мимо, на вас пахнёт свежей сдобой, а на витрине вы увидите целую горку пирожных с кремовой начинкой. Румяных, кругленьких, воздушных… И вы, как и я, вспомните, что за эти пирожные вас запросто могут убить. Шейлок уже занёс кинжал над сердцем Антонио. Над моим сердцем…

Я решил, что пирожные для одноклассников надо раздобыть непременно. Целее буду. В конце концов, можно попросить у родителей денег вперёд, за следующую неделю.

Только шансов что-то выклянчить мало. Не больше, чем у Шейлока получить назад свои дукаты.

Впрочем, вечером я воспрянул духом и понадеялся, что шансы всё-таки есть, потому что отец принёс домой радостное известие: «Вудвуд и партнёры» подписали контракт с «Бейкеровской Империей спорта». Они будут проектировать новое здание и перестраивать все старые – всю сеть спортивных магазинов семейства Бейкер. А их великое множество – почти в каждом городке на Лонг-Айленде. Отец подхватил маму, закружил, и они, танцуя, прикружили в Идеальную гостиную, под свежеоштукатуренный и побелённый потолок. Оттуда они утанцевали на кухню, потом снова в гостиную, на крыльцо, вниз по ступеням и принялись танцевать на Идеальной дорожке, что ведёт от улицы к нашему дому. Наверно, азалии под мешковиной порозовели от смущения.

Вы, может, не в курсе, так я вам скажу: если пресвитерианцы пускаются в пляс перед собственным домом, у всех на виду, значит и вправду случилось что-то из ряда вон выходящее.

– Мы получили контракт, мы получили контракт, мы получили контракт, мы получили контракт, – пел отец во весь голос, словно рассчитывал, что в помощь ему сейчас грянет целый симфонический оркестр. Как в фильме «Звуки музыки».

Когда они с мамой впорхнули обратно в прихожую, я решил, что удачней момент и придумать трудно.

– Пап, пожалуйста, дай мне сейчас денег за следующую неделю…

– Мы получили контракт, ни за какие коврижки, мы получили контракт…

* * *

В ту ночь мне снился Калибан, который подозрительно смахивал на Данни Запфера. Он сидел в ногах моей постели и рассказывал, как ужасно – весь обмётанный прыщами и волдырями – закончу я своё земное существование, если на следующей неделе не принесу профитроли. Потому что три недели, которые я себе выпросил, чтобы исполнить требование одноклассников, неумолимо подходили к концу. «Берегись! Берегись!» – повторял Калибан-Данни. И, видимо, не шутил.

И вот в пятницу я пришёл в булочную Гольдмана и выложил на прилавок все свои деньги – два доллара и сорок пять центов.

– Два доллара и сорок пять центов, – объявил мистер Гольдман, пересчитав монеты. – Это же целая куча денег! Можно столько всего купить! Чего желаете?

– Двадцать две профитролины.

Быстро перемножив всё в уме, мистер Гольдман сказал:

– Нужно добавить ещё два доллара и восемьдесят центов.

– Мне не сейчас нужно… на следующей неделе…

– Всё равно не хватает двух долларов и восьмидесяти центов.

– Я могу поработать. Могу посуду мыть…

– На что мне твоя работа? У меня и свои две руки имеются. Посуду моют, денег не просят.

– Я убирать могу! Подметать, пыль вытирать…

Мистер Гольдман, уже молча, продемонстрировал мне свои две руки, которые прекрасно справляются с любой работой.

Я вздохнул.

– Неужели вам совсем-совсем никакая помощь не нужна?

– Нужна. Но иного рода. Мне нужен мальчик, который знаком с творчеством Шекспира. Но где в наше время такого сыщешь? Да нигде! Школы стали никуда не годные… Шекспира не проходят… кошмар!

Думаете, я всё выдумал? Нет! Он так и сказал: «Мне нужен мальчик, который знаком с творчеством Шекспира».

– Я знаком! – произнёс я.

– Ну ещё бы! Тебе же профитроли нужны, а денег не хватает.

– Я правда читал Шекспира.

Мистер Гольдман подтянул белый фартук и сказал:

– И что ты там начитал? Рассказывай.

Я припомнил кусок из «Бури», причём вовсе не проклятия Калибана! Миссис Бейкер напрасно решила, что меня заинтересовали только ругательства.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь и далее – цитаты из разных пьес Уильяма Шекспира в переводах А. Кронберга, Т. Щепкиной-Куперник, О. Сороки, А. Григорьева, М. Столярова, П. Козлова, И. Мандельштама, М. Лозинского, О. Варшавер.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shmidt_geri/bitvy-po-sredam

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить